

**ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«СОЦИУМ»
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«XXXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»**

(13 октября 2015 г.)

г. Москва – 2015

© Центр гуманитарных исследований «Социум»

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Сборник публикаций Центра гуманитарных исследований «Социум» по материалам международной научно-практической конференции: «XXXV международная конференция посвященная проблемам общественных наук», г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М. : Центр гуманитарных исследований «Социум», 2015. – 92 с.
ISSN: 0869-1284

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация Организационного комитета конференции:

Центр гуманитарных исследований «Социум»

Электронная почта: info@society-science.ru

Официальный сайт: www.society-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Епископ Савва (Михеев), Виденеева А.Е. О ХРОНОЛОГИИ ЦАРСКИХ И ПАТРИАРШИХ ПОСЕЩЕНИЙ НОВОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ	5
Горбань А.А. И.Х. ОЗЕРОВ О МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ	9
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, РЕЛИГИЕВЕДЕНИЕ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Билялова Г.Н., Имангулова Т.В., Гереева А. ЭТНИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА	13
Дальская В.А. МЕТОД ВИЗУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ –НОВАЯ ГРАНЬ ФОРМИРОВАНИЯ ВОКАЛЬНОГО АППАРАТА ПЕВЦА	17
Шехурин Д. Ю. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРУЖИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ	25
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Абезгильдин Р.Р. ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИИ	29
Алиев З.Т. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ – КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА.....	30
Елфимов А.В. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ И МЕДИАСФЕРА.....	33
Клименков М.А. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «НАУЧНОЙ ЭЛИТЕ» В АНТИЧНОЙ ПОЛИТИКО- ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	37
Шершун А.В. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ УКРАИНЫ.....	40
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Bożena Majchrowicz IMPACT OF DEMOGRAPHIC CHANGES ON LONG-TERM CARE DEVELOPMENT IN POLAND	44
Tomaszewska K., Kłos A. SOCIAL CARE NEEDS OF SENIORS	48

ФИЛОЛОГИЯ

Козырева М.К. КОНЦЕПТ “MUSLIM WORLD” КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НОВОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	53
Король Е.В. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПРОИЗВОДНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ АГЕНТИВНОСТИ В ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	56
Кямкина Ю.Ф. СПЕЦИФИКА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)	60
Маленкова М.М. НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЧИТАТЕЛЯ»	63
Сидорова А.Е. ЭВФЕМИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СМИ	68
Явина Н.А. О ВЗАИМОСВЯЗИ АНТРОПОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ В ТРУДАХ ПОЛЯ БРОКА И АБЕЛЯ ОВЕЛАКА.....	72

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Воронцов Е. А. ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО Т. МОРА: ИМПЕРАТИВ ЦЕЛОСТНОСТИ	79
Парфенова О.С. РОЛЬ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	83
Симонов А.И., ФЕНОМЕН ТЕЛЕСНОСТИ В ИКОНЕ.....	86
Шаммазова Е.Ю. ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ	90

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Епископ Савва (Михеев),
*доктор церковной истории, викарий Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси, наместник Московского Новоспасского
монастыря*

Виденеева А.Е.
кандидат исторических наук, музей «Ростовский кремль»

О ХРОНОЛОГИИ ЦАРСКИХ И ПАТРИАРШИХ ПОСЕЩЕНИЙ НОВОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ

«Со времени вступления на престол царя Михаила Феодоровича Романова начинается новая эпоха в истории монастыря, которую можно назвать временем его процветания».

(И.Д. Дмитриев) [5, с. 13]

Исторически сложилось, что в Московском Новоспасском монастыре образовался обширный некрополь представителей боярского, а впоследствии царского рода Романовых, живших в XV-XVII столетиях. К концу XVIII в. в нем насчитывалось около семидесяти погребений, в том числе основателя родовой фамилии – Романа Юрьевича Захарьина и его сыновей Никиты, Далмата и Даниила; родителей и братьев патриарха Филарета; матери царя Михаила Феодоровича – Ксении, в иночестве Марфы [4, с. 397-398].

Воцарение династии Романовых в 1613 г. возвысило Новоспасскую обитель, которая с этого времени получила статус усыпальницы предков царствующего рода.

С первых лет царствования Михаила Федоровича (1613-1645), Новоспасский монастырь становится традиционным местом царского богомолья. Судя по «Дворцовым разрядам», в 1614 г. сюда молодой царь прибыл отметить Пасху: «На святой неделе у Государя стол был у Спаса на Новом» [1, ст. 130].

Используя данные В.В. Зверинского [6, ст. 249] и опираясь на «Дворцовые разряды», мы отчасти восстановили хронологию царских посещений Новоспасского монастыря царем Михаилом Романовым.

1614 г., светлая пасхальная седмица – у царя Михаила Федоровича «стол был у Спаса на Новом».

1619 г. – «ходил государь молиться в монастырь».

1622 г., 28 апреля – «был у государя стол в монастыре».

1623 г., 6 мая – «был у государя стол в монастыре».

1624 г., 18 апреля, 25 апреля – посещение царем монастыря [1, ст. 130, 391, 508, 554, 613, 614].

1629 г., 12 мая – царское посещение монастыря.

1633 г., 2 марта – прибытие государя в обитель.

1635 г., 29 января, апрель – посещение царем монастыря, служение панихиды.

1636 г., 20 и 27 января, 26 февраля, 23 мая – прибытие государя в монастырь, служение панихид.

1637 г., 27 января, 13 мая – посещение царем монастыря, служение панихиды.

1638 г., 22 января, 3 февраля – прибытие государя в обитель, служение панихид.

1639 г., 24 и 27 января – царское посещение монастыря, служение панихид.

1640 г., 24 и 27 января, 14 февраля – прибытие царя в монастырь, служение панихид.

1641 г., 26 января – прибытие государя в обитель, служение панихиды.

1642 г., 23 января – царское посещение монастыря, служение панихиды [2, с. 69, 321, 412, 454, 490, 494, 509, 528, 538, 561, 597, 622, 623, 648, 673].

Для сравнения приведем выявленные даты посещений Новоспасского монастыря царем Алексеем Михайловичем (1645-1676).

1647 г., 19 сентября – прибытие государя в монастырь на освящение Преображенского собора.

1649 г., 31 января – посещение царем монастыря.

1666 г., 21 февраля, 29 апреля, 25 мая – прибытие государя в обитель, служение панихид.

1667 г., 19 декабря – приезд государя, служение панихиды.

1668 г., 3 апреля – прибытие царя, служение панихиды.

1674 г., 4 сентября – царское посещение, служение обедни.

1675 г., на масленицу, 26 февраля – посещение царем монастыря, служение панихиды [3, с. 112, 608, 615, 623, 703, 736, 656, 1228, 1254].

Патриарх Филарет (Романов) (1619-1633) – третий московский патриарх и отец первого царя Дома Романовых, часто посещал Новоспасский монастырь - место, где были похоронены его родители и братья, служил панихиды над их гробами. Нередко он совершал в монастырских храмах литургии. В дни его посещений новоспасская братия щедро оделялась патриаршей милостыней.

Сохранились следующие документальные свидетельства о «патриарших выходах» в обитель, совершенных им в последние годы жизни:

1628 г., «февраля 21, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич ходил молиться в Спасской монастырь на Новое, и пожаловал государь дати попом на молебен полтину, да ручныя милостыни архимандриту Лаврентью полтина, келарю старцу Аникею полтина, да 72 братом 7 руб. 2 гривны».

1630 г., «февраля 7, великий государь святейший патриарх ездил на масляной недели в пятницу в Спасской монастырь, на Новое, и пожаловал на молебен полтину, да ручныя милостыни архимандриту да келарю по полтине, да 81 брату по гривне человеку».

1631 г. «февраля 9, великий государь святейший патриарх ходил в Спасский монастырь, на Новое, и указал дати архимандриту и братии молебные милостинные деньги против прошлаго 138 года, на молебен полтину, да ручныя милостыни архимандриту да келарю по полтине, да рядовым 81 брату ... по гривне человеку».

1631 г. «апреля 26, великий государь святейший патриарх ходил молиться к Спасу на Новое после Светлая недели, на третьей недели в среду, и пожаловал, велел дати на молебен милостыни против прошлаго 138 года, архимандриту и попом на молебен полтину, да ручныя милостыни архимандриту и келарю по полтине, да рядовым старцом 60 братом ... по гривне человеку»[8, ст. 840].

Наиболее предпочтительным временем царских посещений Новоспасского монастыря был зимний сезон, особенно – конец января, когда служились панихиды по погребенному в обители Никите Романову (ок. 1522 – 1585/1586), деду царя Михаила Федоровича и отцу патриарха Филарета. Датировки царских приездов позволяют сделать следующий вывод. После кончины патриарха Филарета (†1633), январские посещения Новоспасского монастыря стали для царя Михаила обязательными. Тем самым, он принял на себя долг отправления панихид над гробом своего деда. В целом же, Михаил Федорович приезжал в Новоспасский монастырь чаще, чем его сын Алексей Михайлович. Показательным примером может служить тот факт, что только в первой половине 1636 г. Михаил Романов четыре раза побывал здесь.

И хотя представленная выше хронология «царских выездов» в обитель пока не полна, она достаточно репрезентативна и в полной мере свидетельствует об уважении, интересе и приоритетном внимании, которые оказывались русскими правителями этому монастырю.

В завершении уместно привести красноречивое свидетельство современника. В 1675 г., сопровождая Антиохийского патриарха Макария в его путешествии по России, диакон Павел Алепский после посещения Новоспасской обители отметил следующее обстоятельство: «...нам рассказывали, что монастырь древний и был маленький, и что в бозе почивший царь Михаил обновил и расширил его, и построил его окружную стену...» [7, с.148].

* * *

В целом, первая половина XVII столетия является одним из наиболее ярких этапов истории Новоспасского монастыря. В этот период складываются и укрепляются связи, объединяющие обитель с царствующей династией Романовых – в лице ее основоположника – царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета.

В это время начинается процветание и возвышение Новоспасского монастыря. Он становится известен, как усыпальница основателей и представителей нового Царствующего дома России.

Обитель служит местом царского и патриаршего богомолья, что документально подтверждает представленная здесь хронология царских и патриарших посещений. Царь и патриарх одевают ее щедрыми вкладами, к числу которых относились земли и угодья, денежные пожертвования, колокола, драгоценные предметы церковного обихода.

В короткий срок и, в значительной мере, на средства царской казны сооружается новый каменный монастырский ансамбль: строится резиденция патриарха, колокольня с храмом прп. Саввы Освященного, Знаменский храм, ограда и келейные корпуса, осуществляется закладка нового монастырского собора.

Литература

1. Дворцовые разряды. Т. I. – СПб., 1850.
2. Дворцовые разряды. Т. II. – СПб., 1851.
3. Дворцовые разряды. Т. III. – СПб., 1855.
4. Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих ... мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. – М., 1908.
5. Дмитриев И.Д. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. – М., 1909.
6. Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. В 3-х т. – М., 1890–1897. – Т. II.
7. Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 4. – М., 1896-1900.
8. Холмогоровы В.И. и Г.И. Материалы для истории, археологии и статистики Московских церквей. – М., 1884.

Горбань А.А.
аспирантка кафедры
«Экономическая история и
история экономических учений»
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации

И.Х. ОЗЕРОВ О МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

Образование всегда остается одним из актуальных вопросов в жизни общества как на местном, так и на центральном уровнях. В современном преподавательском сообществе России наряду со многими проблемами обсуждается вопросы о путях повышения качества образования и неоднозначное влияние роста информационных потоков и высокой скорости изменения первоначальной информации, которые приводят к тому, что у учащихся притупляется способность воспринимать знания. С одной стороны, наблюдается информационная обеспеченность школьников и студентов; с другой стороны, очевидна потеря способности усваивать и анализировать новые данные из-за их больших объемов. В этих условиях закономерен вопрос: нужно ли подстраивать процессы обучения под новейшие IT-технологии или лучше оставить преподавание в рамках традиционной сферы? Сто лет назад схожая проблема также обсуждалась в русских университетах. Одним из примеров к этой не устаревающей дискуссии является доклад И.Х.Озерова на заседании Педагогического общества 18 марта 1903 года, опубликованный отдельной брошюрой в 1907 году. Перед Педагогическим обществом, являвшимся собранием наставников и преподавателей при Императорском Московском университете, И.Х. Озеров поднял вопрос о том, что образование населения должно занимать первое место в списке приоритетных задач государства и общества [1, с.107-117].

Примечательно, что Иван Христофорович Озеров являлся не только крупным экономистом и преподавателем Московского и Петербургского университетов, Московского коммерческого института, но был и крупным предпринимателем. Это позволяло ему широко смотреть на проблемы подготовки кадров для развивавшейся в начале XX века экономики России, и фактически поднять проблему развития человеческого капитала и роста производительных сил страны [3, с. 185-187, 197; 4, с. 176-203]. И.Х.Озеров неоднократно отмечал, что в университетских курсах экономическим наукам необходимо отводить больше времени и внимания, так как экономические интересы общества стали играть все большую роль в мире. Именно от того, как человек будет способен использовать свои знания, как сформируется человеческий капитал, будет зависеть конечный результат приложения труда человека. Он утверждал, что образованные,

имеющие профессиональную подготовку люди – ключ к экономическому благосостоянию страны. Именно образование позволяет людям осознать богатые ресурсы, которые их окружают, и суметь правильно воспользоваться ресурсами для их увеличения.

В рамках доклада на заседании Педагогического общества акцент делался на преподавании экономических наук, вместе с тем высказанные И. Х. Озеровым мысли могут быть распространены на преподавание в целом. Цель настоящей статьи – проанализировать доклад И.Х.Озерова «К реформе преподавания...», для чего будут рассмотрены идеи этого доклада, выяснена критика существовавшей системы образования, рассмотрен собственный педагогический опыт И.Х.Озерова.

И. Х. Озеров начал свое выступление с того, что отметил высокий уровень развития промышленных технологий в современной ему России, указал на успехи в производстве материальных благ и общие успехи материальной культуры России, развивавшей рыночные отношения. Вместе с тем он резко критично отозвался о состоянии духовной культуры и восклицал: «в культуре же мозга царит рутина!» [2, 4]. Особое внимание И. Х.Озеров уделил критике существовавших способов формирования у учащихся так называемых общих способностей, включающих в себя не только логическое мышление, но и грамотную письменную и устную речь. Более всего его беспокоила действовавшая на тот момент система правописания. Он рассматривал ее как архаизм и считал, что этой устаревшей технологии «место в музее». И.Х.Озеров отмечал, что обучение устаревшему правописанию не только отнимает массу времени у обучающихся, но и убыточно с экономической точки зрения, так как одна буква «ъ» добавляет объем произведениям, тем самым увеличивая расходы при издании печатных текстов.

Для общества, по мнению И. Х. Озерова, было бы полезно тратить время на приобретение более ценных для жизни знаний, нежели заучивание правил написания «ъ», «ье», «ья». И. Х. Озеров отмечал, что если бы правописание было упрощено, то освободившееся время можно было потратить на более быстрое формирование навыков чтения и письма, которые помогли бы России, стране еще молодой по степени развития рыночных отношений, догнать европейские страны и Соединенные Штаты, ушедших значительно вперед в развитии общего уровня жизни.

И.Х.Озеров саркастически замечал, что возможно, пройдет «всего» сто лет и реформа правописания в России осуществится. Он понимал, что консервативное Министерство народного просвещения не будет проводить реформу, и поэтому предлагал, чтобы общество самостоятельно и постепенно отказывалось от старых правил правописания. Для этого, по мнению И. Х. Озерова, было достаточно окружить людей новым правописанием. В этом процессе могли бы принимать участие и средства массовой информации. В качестве варианта внедрения нового

правописания, И.Х.Озеров предлагал создать неформальный социальный институт – общества подписчиков, которые писали бы и читали по новым правилам и обращались бы в газеты или журналы с просьбой «допустить на их страницы новое правописание» [2, с. 8].

В дальнейшем, как полагал И.Х.Озеров, столкновение старого правописания, которому обучали в школе, и распространение нового привело бы к тому, что в школе просто сделалось бы невозможным удерживать интерес к старому правописанию. Так, силами самого общества, могла бы быть осуществлена модернизация русского правописания как одной из важнейших технологий обучения и формирования общих способностей молодого поколения. Предложения И.Х.Озерова, несмотря на их актуальность, реализованы не были. Официально реформа русской орфографии была проведена только в 1918 году под руководством Наркома просвещения советской России А.В.Луначарского, однако, единичные издания печатали произведения по новым правилам уже с 1912 года.

Вторую часть доклада И. Х. Озеров посвятил рассмотрению необходимости использования наглядности в преподавании. Он говорил, что наглядность необходима не только при изучении естественных наук и истории, но и в преподавание экономических наук, где данные выражены цифрами и формулами. Для улучшения преподавания экономических наук и вовлечения студентов в образовательный процесс, И.Х.Озеров предлагал использовать новые для российской системы образования технологии – диапозитивы. И.Х.Озеров предлагал, чтобы студенты сами готовили диапозитивы к занятиям, и, тем самым, лучше бы осваивали учебный материал. И.Х.Озеров в своей педагогической практике широко применял метод наглядности. Так, свой «Атлас экономических диаграмм» он оснастил диапозитивами [2, с. 12].

И.Х.Озеров мечтал об установке огромных диапозитивов на крышах высоких зданий для трансляции данных науки и информационной поддержки для всех граждан, и верил, что наглядность может стать могучим средством популяризации науки. По прошествии ста лет мечты И. Х. Озерова воплощены в реальность во всех крупных городах мира.

Оценивая значение доклада И.Х.Озерова, следует отметить, что система воспитания и передачи знаний были в то время в России достаточно консервативны и были мало связаны с быстро меняющимися условиями общественной жизни и требованиями экономики. Он считал, что школа должна готовить человека к трудовой жизни, должна снабжать необходимыми для работы знаниями, навыками и умениями, которые бы стали капиталом для ученика на всю жизнь. При этом и сама школа должна постоянно обновляться, а главным стимулом модернизации системы преподавания должна являться экономика, чьи требования к процессу обучения должна учитывать система образования.

И.Х.Озеров считал, что создание общества с высоким уровнем материальной и духовной культуры – это задача государства и одновременно задача родителей. К ним он обращал свои слова: «Я обращаюсь к матерям и отцам, кому дороги интересы детей и детей их детей, облегчить им приобретение познаний, а люди найдутся поработать на этом поприще. Помните, дети смотрят на вас, что вы сделаете, чтобы облегчить им подготовку к жизни!» [2, с. 15].

О необходимости реформирования системы образования И. Х. Озеров говорил и в последующие годы. Им был написан ряд работ, посвященных проблемам совершенствования и модернизации сферы образования: «О приемах изучения финансовой науки» (1903), «О некоторых задачах университетского преподавания общественных наук» (1904), «На борьбу с народной тьмой!» (1907), «Атлас экономических диаграмм. Выпуск II. Народное образование» (1914), «Наша народная школа и как живет и работает народный учитель» (1917). В каждом своем выступлении или публикации он проводил свою главную мысль о необходимости заниматься развитием ума и духовной культуры населения как важнейшего способа формирования человеческого капитала, без которого невозможен экономический рост. Идеи, которые высказал И. Х. Озеров в своем докладе, явно опережали свое время и не утратили своей актуальности и сегодня.

Литература

1. Змеев В.А. Педагогическое общество при Императорском Московском университете//Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2009. № 2. С. 107-117.
2. Озеров И.Х. К реформе преподавания: [Применение наглядности в преподавании экономических наук]. М., 1907.
3. Разманова Н.А. Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX – 20-е годы XX века). М., 2002.
4. Щетинина Г.И. И.Х. Озеров и его воспоминания//История и историки. 1978. М., 1981. С. 176-203.

Билялова Г.Н.,

доктор философских наук

Имангулова Т.В.,

кандидат педагогических

наук, декан факультета «Туризма»

Казахской академии спорта и туризма

Гереева А.

магистрантка 2 курса

кафедры «Туризма» КазАСТ

ЭТНИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Во Франции в 1980-1990-х годах под руководством Пьер Нора исследуется проблема коллективной памяти Франции. Это семитомное собрание по этнической ментальности французов, которое содержит больше ста статей разных авторов, посвященных тому или иному «месту памяти», являющиеся объективно объектами историко-культурного туризма. Теория Пьера Нора - современного французского историка, исследующего коллективную этнокультурную и этноисторическую память французов, изучает исторические места, этнонациональные праздники, памятники, символы, этнонациональную атрибутику и т.д. «Места памяти» [1] - это топография памяти в контексте явлений и мест, где или в которых формируется память социума и этноса, главное предназначение которых - хранить память человека, социума и этноса.

Сам человек, события, архитектурные сооружения, книги, песни, географические места, имеющие символический смысл, различного контекста и видов тексты, произведения искусства, вещи, памятники исторической и философской мысли, репортажи из газет, выступления и политические доклады, сущность которых передают знания о исторических событиях, личностях, идеях становятся местами памяти, создавая исторические знания социума.

Места памяти имеют различные символические значения, которые могут трансформироваться во времени и историческом сознании, став воспоминаниями. Пьер Нора называет этот процесс созданием «вторичной истории». «Интерес к местам памяти кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще Достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое

убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти ... существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [1, с. 17].

Пьер Нора определяет их как «места, на которых складывается память сообщества». Главная функция «мест памяти» - сохранять память социума, индивида, этноса и группы людей. Они призваны создавать представления общества о самом себе, истории, этнической памяти и ментальности. Важной характеристикой «мест памяти» является то, что они могут нести разные значения и что это значение может меняться. Самобытность «мест памяти» заключается как в мировоззренческом, так и в историческом содержании, но самое главное их отражение в общественном и индивидуальном сознании этнофоров и формы его восприятия. Важно также определить, когда данное «место памяти» получило то или иное символическое значение, и как оно изменялось в течение времени, отражаясь в этническом сознании и культуре, как бы вторично рефлексировавшись в мышлении и современном образе жизни.

Этническая память и история формируют идеальный императив: память должна быть историей, а история должна быть памятью, имеющей три формы: 1) память - архив в вещественных и письменных источниках, 2) память - долг в сознании и мышлении; 3) память-вечность, память-отстранение или память-дистанция, сохраненная в исторических и культурных объектах, включая и туристические. С точки зрения французского исследователя П. Нора, память - архив есть способ организации потерянной памяти, т.е. вторичная память, память - долг делает человека «историком», память-вечность, память-отстранение или память-дистанция представляет объективированную память, представленную в вечных мыслеформах как, например, словари, ментальная символика, народный календарь. Мыслитель в научной статье «Проблематика мест памяти» сравнивает соотношение памяти и истории анализируя показывая диалектику противопоставления и субъективного существования каждого из них. Память – «это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы...; всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим; ... помещает воспоминание в священное ...; укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» и история – «это всегда ... репрезентация прошлого» [1, с.20-21].

В «Постижение истории» А.Тойнби через призму выдвинутого им принципа истории «Ухода-и-Возврата» важное значение в процессе передачи времени, которое воплощено в культуре и в историческом пространстве отводит памяти, подчеркивая глубочайшую естественность связи истории как сферы накопления и развития человеческого опыта и памяти. Историческое познание духовной культуры этноса как части историко-культурного туризма отражается в памяти этноса. «История способна оказывать влияние на человеческое воображение и сквозь века,

возбуждая память об ушедшем прошлом. История воздействует на восприимчивые души своими памятниками мемориалами, названиями улиц и площадей, архитектурой, политическими событиями, традиционными праздниками...» [2, с. 105].

Символический подход к исторической памяти этноса через культурные ценности в современной западной этносоциологии (Дж. Армстронг, Э. Смит, Э. Хобсбаум) представляется изначальными понятиями в их теориях стали «символы» и «мифы», которые являются устными объектами этнографического и историко-культурного туризма. Мифы есть память о прошлом этноса, его возникновении, этнической истории, отражают генеалогическое наследие. Символы памяти, по Э. Смигу, закодированы в эпосах, обычаях и в «мифомоторе» каждого поколения. Дж. Армстронгом впервые ввел термин «мифомотор», который означает конституирующий миф этноса и способствует его развитию как социально-культурной системы.

Исследование Поль Рикёра «Память, история, забвение» [3] - это современное социально-философское исследование исторической и культурной памяти, в котором ученый изучает память как деятельность, анализируя ее в контексте «философии действия» как собственно самой памяти, так и памяти человека [3, с.681-682]. Полиаспектное и полиуровневое социально-историческое развитие общества может способствовать идеологической манипуляцией исторической памятью, в том числе и этноисторической, чтобы соответствовать коллективной идентичности или предать забвению истинную историю, причины и реальность событий, культурных явлений, содержание текстов и т.д. Поль Рикёр приводит исторические события Второй мировой войны, когда в этносоциальной памяти актуально возникает вопрос о моральном прощении за совершенное зло. Исследуя индивидуальную память и коллективную память, ученый отмечает, что история - это активная память живых и ушедших людей, собранная в архивах в различных документах, отраженных в исторических памятниках, книгах, этнотопонимах, легендах, преданиях и т.д.

Историческая память действует по принципу выраженного в действиях: «собрать, сохранить, объяснять, понимать». Поль Рикер различает моральную и культурную памяти этноса, социума, цивилизации, представляя историю как последовательность исторических событий и сопоставление, отмечая что история не всегда есть воспоминание [3, с. 689]. Возникает вопрос о взаимосвязи присутствия человека в прошлом, правдивости истории для настоящего, актуальности, критичности и объективности воспоминаний и их ценностей.

Изменение исторического самосознания, идентичности и этнической памяти возможно познать на примере смены «мест памяти» нации. Выделяются три вида изменений в ансамбле этнонациональных «мест

памяти». Во-первых, отдельные из них могут быть забыты или вытеснены из этнической памяти - исторические лица, события или мемориальные памятники. Во-вторых, забытые «места памяти» заново приобретают свое мировоззренческое и историческое значение. И этот процесс наблюдается в постсоветском пространстве, включая Казахстан. В-третьих, можно изучать смены этносоциальной памяти и в тех «местах памяти», где зафиксирована коллективная этническая память и значение, которых сообщество ассоциирует с определенными местами памяти, не обязательно остается неизменным в течение истории.

В социогуманитарных науках, начиная с 80-х годов XX века, исследование этногенетических процессов методологически приводит к символическому контексту основания этносов и наций, особенно важными для определения коллективной идентичности социума, в котором само историческое прошлое и отношение к нему является фактором идентичности в этнонациональном самосознании.

Коллективная память разных сообществ как явление истории – это главная основа самоощущения и самовосприятия в историческом развитии и в определении коллективной идентичности, коррелирующей через изменения роли «мест памяти», так как последние подвергаются забвению, а затем могут через время стать снова исторически значимыми или быть ими постоянно и становиться традиционными местами памяти, или изменяться в своем историческом содержании.

Процесс возрождения и возврата имен выдающихся личностей из забвения-небытия, из прошлого позволяет в современное время этносам воссоздать историческую справедливость и отдать память-долг репрессированным представителям творческой интеллигенции, религиозным деятелям, ученым и гражданам. Имена великих батыров - Богенбай-батыр, Райымбек-батыр, Кабанбай-батыр, Наурызбай-батыр, имена великих биев - Толе-би, Айтеке-би, Казыбек-би, защитившие и сплотившие народ в историческом прошлом снова объединяют казахский этнос в современном обществе.

В социалистическом обществе определенное безразличие к национальной истории существовало по идеологическим мотивам, когда скрывалась истина, история создавалась по заказу, культура была интернациональной по характеру и в памяти должны были сохраниться только политически необходимые события и имена, традиции и обряды, символы и памятники, а собственно этническая память пребывала в забвении времени. Таким образом, этноисторическая память социума существует в трех формах: память-архив (национальный архив и учреждения, хранящие документы), память-долг (память в душах людей, долг перед своим родом, предками) и память-отстранение (память о прошлом, введенная в мемуары, книги, учебники, словари и т.д.). Память истории и этноса - это память, концентрирует обусловленные состояния

сознания человека/этнофора и его социума, представляя давнюю историческую память, историческую память и современную историческую память.

Использованная литература:

1. Нора П. Проблематика мест памяти// Франция-память. /П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.– С. 17-50.
2. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник/ Пер. с английского.-М.: Рольф, 2002.-592 с.
3. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. - Вдовиной, О.И. Мачульской, Г.М. Тавризян. - М.: Изд-во гуманитарной литературы; 2004. - 728 с. (Французская философия XX века).

Дальская В.А.

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры академического сольного пения
Института современного искусства (Москва)*

МЕТОД ВИЗУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ –НОВАЯ ГРАНЬ ФОРМИРОВАНИЯ ВОКАЛЬНОГО АППАРАТА ПЕВЦА

Каждый вокальный педагог имеет свои представления о качестве вокала, свои педагогические наработки, свои эстетические нормы о том, как строить певческий аппарат, какими способами, методами следует добиваться того или иного фонационного эффекта. И это естественно, потому что разными путями, можно прийти к одному и тому же результату. Насущная потребность вокальной педагогики, считает В.Л. Чаплин - «умение воздействовать на нервно-мышечный аппарат ученика, так чтобы получить хороший результат» [7, 6].

Сегодня вокальная педагогика имеет в своём арсенале все исторически сложившиеся методы и приёмы работы по формированию певческого аппарата студента-вокалиста. Они, главным образом, сводятся к доминированию вербального принципа «как будто», опирающегося на аудиальное восприятие. Между тем, современное состояние науки информационного общества, выдвинувшей в качестве обучающей модели «невербальную коммуникацию», акцентирует внимание на визуальном восприятии.

Насущная потребность вокальной педагогики, считает В.Л. Чаплин - «умение воздействовать на нервно-мышечный аппарат ученика, так чтобы получить хороший результат» [7, 6]. Отвечая требованиям сегодняшнего дня, метод визуального моделирования голосового аппарата, предлагаемый автором, расширяет границы акциональных приёмов воздействия на певческий аппарат в процессе его формирования,

существенно дополняет имеющийся дидактический арсенал прежней аудиальной методики невербальными новациями.

Как ранее отмечалось в статьях автора, [1-4] суть метода визуального моделирования заключается в трансформировании вербальной модели, выражающей технологическую задачу, в визуальную при помощи жеста-модели, имитирующей определённый отдел голосового аппарата или фонационного процесса. Отметим, что применение средств визуального моделирования в вокальной педагогике чрезвычайно важен. Здесь активизированы познавательные возможности модели. Модель-жест не только отображает (воспроизводит, имитирует) существенные черты объекта-оригинала, но и, отражая отношения познающего субъекта (ученика) и познаваемого объекта (голосового аппарата), даёт необходимые знания о самом объекте.

В этом смысле и имитационное моделирование физиологических и технических составляющих процесса звукообразования посредством невербального описания обеспечивает и наглядность, и информацию об объекте воздействия, а главное – при невозможности непосредственного воздействия на мышечный аппарат певца, позволяет формировать наиболее эффективный кинетический посыл на скрытые отделы голосового аппарата.

В качестве примеров, рассматриваемых нами в методических указаниях, имеются ввиду жестовые модели, приведённые автором в диссертационной работе в Приложении [1, 203]. Их эффективность апробирована в процессе экспериментальной проверки и более, чем двадцатилетним опытом работы автора. Следует указать, что все эти модели не являются строго зафиксированными. Скорее, фантазия педагога здесь может быть безгранична.

Основные правила метода визуального моделирования базируются на правилах жестикуляции, рекомендуемые для ораторов. Сопоставим эти требования с возможностью использования их педагогами-вокалистами, связав с необходимостью выполнения вокальной задачи:

1) Одно из первых правил риторики – «не прибегать к произвольной механической жестикуляции».

В вокальной практике, напротив, жест должен быть «изобретён» в соответствии с технологической задачей, выполняемой в данный момент учеником. Жест лучше всего педагогом должен быть сконструирован заранее и затем проверяться в процессе работы. Если же жест возник на уроке спонтанно, то педагогу необходимо объяснить ученику его технологическую задачу, т.е. какие корреляты с отделами вокального аппарата будут задействованы в результате его использования.

2) Второе правило – «жестикуляция не должна быть непрерывной». Этому правилу необходимо следовать. Если вербальная модель не сработала, педагог предлагает ученику визуальный вариант. Визуальная

модель может идти также и в словесном сопровождении. Таким образом, в процессе урока будет чередоваться вербально-невербальное общение, которое не приведёт ученика к утрате внимания, а значит и неспособности выполнить задачу.

3) «Управляйте жестами, никогда жест не должен отставать от подкрепляемого им слова».

Этот пункт мы можем разделить на две половины. Первая – «управляйте жестами» для нас обозначает то же, что было указана нами в пункте 1: управление, осознанное, произвольное управление жестом для педагога-вокалиста очень важно. Рука его должна уметь «лепить» и фиксировать ту форму, которую он предлагает ученику выполнить. Поскольку визуальная модель носит ассоциативный характер, то она не должна абсолютно соответствовать форме изображаемого отдела вокального аппарата, а лишь образно передавать суть происходящего процесса. Вторая половина правила риторов: «жест не должен отставать от подкрепляемого им слова» в вокале трансформируется в правило: визуальная модель предварительно должна быть оформлена вербально. То есть в нашем случае жест «отстаёт» от слова. Более того, в педагогической практике вокала жест может быть использован без применения слова.

4) «Вносите разнообразие в жестикуляцию».

Это требование, предъявляемое к оратору, для педагога-вокалиста имеет свои особенности: если учесть, что на уроке вокала мы употребляем не просто жест, эмоционально подкрепляющий некую мысль, а модель некоего органа или части вокального аппарата, выполненную при помощи жеста, то эта модель обязательно должна быть постоянно привязана именно к этой технологической задаче. Только тогда будет выработан рефлекс к восприятию этой модели, и эта модель будет эффективно работать.

В связи с этим стоит напомнить наставления К. Станиславского своим ученикам – не делать жеста ради самого жеста, жест следует приспособлять к выполнению определённой, как он говорил, «живой задачи». Только тогда жест превратится в подлинное, продуктивное и целесообразное действие [5, 36-38, 41]. А формирование действия продуктивного, эффективного как раз и является целью вокально-педагогического процесса.

Но, чтобы не было опасности привыкания к определённой модели, вполне реально придумать ещё другой вариант модели для данной же технологической задачи. Если первая модель после нескольких попыток всё-таки не срабатывает, то педагог может предложить другую, аналогичную, но с несколько изменённой конструкцией. Например, показ модели купола [1. см. Приложение, Таблица № 1, Модель № 4], когда рука ладонью изображает купол, не срабатывает, то можно применить для выполнения той же задачи модель № 3, где внимание ученика перенесено с

«формы купола», на «мышцу», которая тянет небо вверх. Таким образом, внося разнообразие в применение модели, мы должны оставаться в рамках технологической вокальной задачи.

5) «Жесты должны отвечать своему назначению».

Этот принцип, вне всяких сомнений, является важным и определяющим для педагога-вокалиста в его применении визуального моделирования. «Пункт назначения» жеста в вокальной педагогике определяет технологическая задача, выраженная вербально и отправленная «по месту назначения» при помощи визуальной модели.

К этим пяти правилам риторики автор добавляет ещё некоторые дополнительные соображения, которые обрисовались в процессе апробирования методики визуализации.

Это правила – *отождествление и погружение*.

Многое в работе вокалиста должно оставаться не освещённым сознанием. Но, как мы знаем, есть области в вокальной педагогике, где работа сознания важна и необходима. В частности, вербальный аспект общения на уроке является основным деятельностным моментом, в котором определяются технологические задачи, то есть, как говорил К. Станиславский – определяется «что» технологического процесса. К. Станиславский, глубоко изучавший психологический аспект деятельности актёра, обращает особое внимание на то, что в момент творчества «То, к а к (выделено Станиславским – В.Д.) выполняются установленные задачи, то, что происходит в промежутках между основными вехами, то есть, как оправдываются предлагаемые обстоятельства, аффективные воспоминания, характер хотений и стремлений, форма общения, приспособления и проч., может варьироваться каждый раз и подсказываться бессознанием. Вот почему *бессознательность «к а к» во время выполнения повторного творчества роли весьма желательна*» [5, 458. Курсив – В.Д.].

Применительно к вокалистам это значит – к а к совершается процесс фонации певец ощутить может лишь опосредованно, через вибрационные, барорецептивные или проприоцептивные ощущения, которые могут передать лишь общий характер работы аппарата. По выражению В.И. Юшманова [8, 51] «на дисплей сознания от невидимого процессора подсознания» выводятся лишь некоторые опознавательные моменты тех программ наших действий, которые были заложены ранее «словесным» (как пишет И.П. Павлов) мышлением.

Акт отождествления заключается в том, чтобы, восприняв словесное описание технологической задачи, её характер и место выполнения, ученик затем, через восприятие визуальной модели, внутренним взором представлял определённый педагогом отдел вокального аппарата в упрощённой, имитационной форме. Этот акт необходим учащемуся-вокалисту, т.к. он реализует установку «что» на уровне воображения.

Момент погружения заключается в том, чтобы отключиться от задачи «как», постараться ощутить энергетический поток в месте отождествления, и в самой модели, если ученик выполняет её вместе с педагогом. Затем, оставив в поле внимания только задачу «что», на уровне подсознательного совершить кинетический посыл.

Цепочка выполнения вокальной задачи будет состоять из следующих звеньев:

- 1) вербальное определение задачи «что» – на уровне сознания;
- 2) отождествление - акт антиципации, предвосхищения мышечных двигательных рефлексов на основе идеомоторного акта;
- 3) погружение, отстранение от вербальной задачи, уход с уровня сознания в область «картинки» и энергетическое наполнение;
- 4) техническое выполнение вокальной задачи «бессознательно», на уровне эмоционального посыла;
- 5) и только на этом этапе происходит попытка осознать происшедшие физические явления в вокальном аппарате, на уровне ощущений.

Этих простейших приспособлений достаточно, чтобы студент, имеющий психотип «мыслителя» (по И. Павлову) эффективно работал с визуальной моделью, а психотип «художника» отключился от реальной обстановки, переведя своё сознание в круг вокальных образов. И если педагог говорит ученику – «думай, думай», то за этим должно стоять, прежде всего – «представляй, представляй».

Тех актёров, которые озабочены тем, чтобы сделать «как», Станиславский называет «трюкачами» [5]. В вокале трюкачеством можно назвать попытки управлять телом на уровне сознания. Мы вполне солидарны с мнением В.И. Юшманова, что «Стремление во время практических действий управлять работой мышц чаще всего мешает выполнению этих действий» [8, 51]. «Сознательность вех» для педагога-вокалиста и учащегося, это знание «конструкции», с которой мы должны работать, «конструкции» реальной или условной, не имеет значения.

Поэтому К. Станиславский рекомендует обратный путь для творчества: «Пусть они (ученики) в момент творчества думают только об основных задачах, указующих творческий путь вехах (*что*). Остальное (*как*) придёт само собой, бессознательно, и именно от этой бессознательности выполнение партитуры роли будет всегда ярко, сочно, непосредственно. *Что* – сознательно, *как* – бессознательно» (5). В этом плане, всё выше изложенное автором, согласуется с мнением великого реформатора и психолога театра, поскольку работа внутреннего механизма вокального аппарата доступна восприятию и оценке лишь как конечный результат работы подсознания.

Таким образом, методические приёмы «отождествления» и «погружения» обусловлены самой природой «бессознательного» и обеспечивают осуществление фонационного процесса «само собой».

Подведём итог, выявляющий основные положения визуального моделирования:

1) Для того чтобы смоделировать эффективно действующую модель, педагог должен обладать достаточно высоким уровнем научных знаний о формах и законах функционирования вокального аппарата.

2) Визуализация вербальной модели происходит на основе использования жеста. Рука, ладонь, пальцы являются тем «материалом», из которого конструируется, «лепится» аналог вербальной модели.

3) Каждая вокальная технологическая задача изначально должна быть чётко оформлена педагогом в вербальную (словесную) модель.

4) Поскольку целью модели является - вызвать кинетический (двигательный) эффект в определённом отделе вокального аппарата, то желательно, чтобы педагог в словесную модель вплетал глагол, например – поднять (нёбо), опустить (гортань), отодвинуть, расслабить, зафиксировать, расширить и т. д.

5) Поскольку, многие отделы вокального аппарата являются движущимися частями механизма, то, предлагая ученику визуализированную модель, педагог должен стремиться к тому, чтобы эта модель несла в себе элемент движения, была бы «работающей» моделью (например, задача поднятия нёба сопровождается движением ладони вверх).

6) Визуальная модель не обязательно должна выражать реальные физиологические процессы вокального аппарата напрямую, а лишь используя образно-ассоциативный ключ моделирования.

7) Жесты (модели) должны отвечать своему назначению. Этот принцип вне всяких сомнений является важным и определяющим для педагога-вокалиста в его применении визуального моделирования. «Назначение» жеста в вокальной педагогике определяет технологическая задача, выраженная вербально и отправленная «по месту назначения» при помощи визуальной модели.

8) Перевод вербальной модели в визуальную не должен носить спонтанный или единоразовый характер. Для установления стабильной рефлекторной связи каждая вокально-технологическая задача, выраженная в вербальной модели, должна иметь свой постоянный аналог в жестовом варианте с тем («место назначения»), чтобы именно эта визуальная модель могла оказывать своё специфическое воздействие именно на избранный отдел вокального аппарата.

9) На уроке вокала употребляется не просто жест, эмоционально подкрепляющий некую мысль, а модель, модель некоего органа или части вокального аппарата, выполненную при помощи жеста, и эта модель

обязательно должна быть постоянно привязана именно к этой технологической задаче. Только тогда будет выработан рефлекс к восприятию этой модели, и эта модель будет эффективно работать.

10) Визуальная модель может выполняться педагогом с вербальным сопровождением. Сочетание использования слухового и зрительного каналов может оказывать наибольшее воздействие на идеомоторику вокального аппарата учащегося;

11) Визуальная модель, по мере освоения учеником и установления рефлекторной связи между вокальной задачей и отделом фонационного аппарата, может показываться педагогом без словесного сопровождения, так как уже только один зрительный образ сможет вызвать идеомоторный акт в комплексе мышц, на которые направлено воздействие данной модели;

12) Любая визуальная модель, предназначенная для выполнения определённой технологической задачи, не является единственной. Вполне возможно предложить другой вид модели, но, непременно связанный с этой же технологической задачей;

13) Внося разнообразие в жестикуляцию, педагог должен оставаться в рамках данной технологической вокальной задачи. Применение варьированной конструкции предохранит от опасности привыкания к определённой модели;

14) Визуальную модель, как правило, изначально предлагает и показывает педагог. Но задание гораздо эффективнее выполняется, если ученик, поняв требование, сам выполнит эту модель, усилив, таким образом, кинетический потенциал визуальной модели;

15) Ученик, выполнив задание педагога по определённой визуальной модели, может сам, на основе своих ассоциативных внутренних ощущений предложить свой вариант модели к выполнению этой же задачи;

16) Учащийся, при воспроизведении предложенной педагогом визуальной модели, должен уметь «отождествиться» с заданным отделом вокального аппарата, совершив акт «погружения».

20) **Алгоритм** применения визуальной модели состоит из моментов:

а) показ педагогом визуальной модели в соответствии с задачей текущего момента;

б) выстраивание самим учащимся предложенной педагогом жестовой модели;

в) момент чёткого зрительного восприятия своей модели (отключение от логического центра);

г) отождествление, погружение;

д) бессознательное выполнение задачи (в этом должен быть момент неожиданности, чтобы логический центр не успел включиться). В само выполнение задачи входит – зрительное отключение от модели (можно

прикрыть глаза), затем ученик делает «короткий вдох, как испуг» и производит то физическое действие, которое предписывается глаголом. Как правило, это приспособление срабатывает сразу же. Но если же, всё-таки, попытка оказалась неудачной, то следует указать ученику, что модель не сработала скорее всего потому, что не произошёл момент отождествления. Следует ещё раз повторить попытку, но чуть увеличить паузу между формированием модели и началом её воспроизведения – то есть, увеличив момент погружения. А также обратить внимание на вдох «как испуг» - именно этот акт и позволяет отключиться от логического центра.

е) попытка осознания внутреннего физического процесса через мышечные, резонансные, барорецептивные ощущения.

21) Как и во всяком творчестве, процесс визуализации имеет своей конечной целью «одухотворение материи».¹ Станиславский под этим подразумевал «непрерывную тянущуюся линию звука, голоса, рисунка, движения. ... Это внутреннее ощущение проходящей по телу энергии мы называем чувством движения» [6, 45, 49]. Поэтому необходимо визуальную модель, изображающую некую определённую конфигурацию отдела вокального аппарата, не просто «лепить», как из бездушной глины. А очень важно при показе наполнить эту модель «проходящей по ней энергией». В этом состоит эффективность срабатывания кинетических посылов. Поэтому, как нам видится, и как подтвердили экспериментальные проверки, визуальная модель будет эффективнее работать, получив энергетическое наполнение.

Исходя из этих принципов, беря за основу предложенные автором в Приложении визуальные модели, педагог может по своему усмотрению варьировать выполнение технологической задачи, меняя образы, строя их по своему творческому, педагогическому усмотрению.

При выполнении заданных принципов визуализации невербальная – визуальная (жестовая) модель является весьма результативным инструментом в практической деятельности педагога-вокалиста, так как базируется на основных дидактических принципах обучения: сознательности, активности, наглядности, доступности, взаимосвязи и научности.

---

¹ «Материя – это ничто и создана она для того, как говорит современная теория, чтобы она одухотворилась. Если материя одухотворяется, она становится красивой, красота – это гармония материального и духовного мира» (док. биол. наук Ф.И. Шипунов, Сборник статей «Мир, который мы натворили», М. 2006, с. 93).

Литература

1. Дальская В.А. Формирование певческого голоса средствами визуального моделирования у студентов-вокалистов вузов культуры и искусств: дисс. ... канд. пед. наук. М. 2012. - 219 с.
2. Дальская В. А. О принципах невербальной коммуникации в вокальной педагогике. // Сб. научных трудов Первого международного междисциплинарного конгресса «Голос». Москва: «Центр информационных технологий в природопользовании», 2007. – С. 141 – 146.
3. Дальская В. А. Роль визуального моделирования в формировании вокального аппарата певца // Вестник МГУКИ. М., 2009, № 3. – С. 164-166.
4. Дальская В. А. Психолого-педагогические особенности метода визуального моделирования вокального аппарата // Вестник МГУКИ. М., 2009, № 6. – С. 191-194.
5. Станиславский К. С. Работа актёра над ролью. М.: Госиздат «Искусство», 1957. - 552 с.
6. Станиславский К. С. Работа актёра над собой. Ч. 2. М., Госиздат «Искусство», 1955. – 503 с.
7. Чаплин В.Л. Физиологические основы формирования певческого голоса в аспекте регистровой приспособляемости. М., 2009. - 180 с.
8. Юшманов В. И. Вокальная техника и её парадоксы. СПб.: Издательство ДЕАН, 2001. – 128 с.

Шехурин Д. Ю.

*Соискатель кафедры культурологии,
философии культуры и эстетики СПбГУ*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРУЖИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Определения функций оружия как целостной системы, как родового понятия в специальной литературе отсутствует. И это объяснимо: каждый отдельный вид оружия обладает специфическими, присущими только ему функциями. И все же – функциональные особенности конкретных видов оружия могут содержать то общее, что характеризует оружие как объект культуры.

Оружие является не только объектом культуры, но также подсистемой культуры («оружейная культура»). Соответственно, оно способно кумулировать в себе функции культуры, а именно: преобразующую, защитную, коммуникативную, познавательную, информационную, нормативную, сигнификативную (знаковую), ценностную (аксиологическую), духовно-нравственную, потребительскую. [1] Однако проявление этих функций в оружии имеет свои особенности.

Казалось бы, какое отношение имеет *преобразующая* функция к орудию убийства и разрушения? Однако нельзя не признать влияния

оружия на ход исторического развития, на изменение географической карты мира, на создание зон политического и экономического влияния. Наличие либо отсутствие оружия у населения (не только у властей и армии) оказывает огромное влияние на развитие общества. По мнению немецкого социолога М. Вебера, успешное развитие городской цивилизации Европы стало возможным благодаря не то что праву, а обязанности жителей многих городов Европы иметь оружие и состоять в городском ополчении. Городское ополчение Европы позволило отстоять вооруженным путем свои экономические интересы и правовой статус. [2]

Защитная функция культуры проявляется в необходимости поддержания сбалансированного отношения человека и окружающей среды, как природной, так и социальной, т. е. в стремлении оградить человечество от злоупотребления оружием, от уничтожения человечества и природной среды, от разрушения памятников культуры. Защитная функция выражается также в самообороне, в защите от нападения людей и хищных зверей.

Функция защиты с очевидностью проявляется и превалирует в защитном оружии, предназначенном для предохранения тела от вражеского оружия нападения.

Коммуникативная функция оружия выражается как средство связи в объединении людей. В частности, военные подразделения формировались по видам оружия и его назначению (лучники, копейщики и т.п.) или определенной категории воинов (например, ландскнехты, рыцарство). В подобных отношениях проявляются знаковые особенности оружия. Не случайно коммуникацию определяют как процесс обмена информацией между людьми с помощью знаков и знаковых систем. [3].

Познавательная функция оружия тесно связана с преобразовательной, и коммуникативной функциями. Благодаря познавательной деятельности и изобретательству человечество создавало и совершенствовало оружие.

Информационная функция оружейной культуры обеспечивает определенные формы технического прогресса, содействующего образованию новых видов оружия. При этом могут быть задействованы технические юридические, этические и другие нормы.

Что касается этических норм в отношении к оружию, то на пути установления и исполнения их человечество так и не смогло придти к каким-либо ограничениям. Изобретательская мысль ломала общественные представления о чести и морали. Так произошло с запрещенным церковью арбалетом, обладавшим значительными преимуществами перед луком: большей кучностью, дальностью и гораздо большей мощностью поражения противника облаченного в доспехи.

Ещё большее воздействие на общественное сознание оказало изобретение огнестрельного оружия. Появление столь совершенного

оружия шокировало многих. Неудивительно, что в некоторых городах Германии и Италии обеспокоенные власти приняли законы, по которым новое «дьявольское оружие» строжайше запрещалось носить без специального разрешения.

Различные виды вооружения и в дальнейшем попадали под запрет. Но запреты эти всегда обходились по следующим причинам: во-первых, ни одно государство не могло позволить себе отказаться от нового, перспективного оружия из-за политических соображений, а во-вторых, многие из этих запретов были слишком далеки от реалий военного дела.

Исследователи выделяют *духовно-нравственную функцию* культуры. В отношении к оружию духовность и нравственность – казалось бы категории неприемлемые. Оружие, как и война, для большинства людей сопряжены с понятиями «безнравственность», «жестокость», «негуманность». Здесь мы без труда можем обнаружить определенную связь с упоминаемой выше этической нормой. В рассмотрении этой функции относительно оружия важно учитывать цель и намерения, с которыми используется оружие. Однако само оружие – лишь средство (орудие) в руках человека и потому его духовно-нравственная функция зависит от того, с какими намерениями и в каких целях оно используется.

Набор функций, их соотношение, доминирование какой-либо функции определяются конкретно-исторической, социальной, национальной (национально-этнической) и прочими ситуациями.

Функциональные особенности конкретных видов оружия могут содержать то общее, что характеризует оружие как объект культуры. Подтверждением тому является функциональная модель меча, предложенная Г.С. Лебедевым и Л.С.Клейном [4]:

- военно-техническая функция (оружие как инструмент убийства);
- функция *политическо–идеологическая* (как фактор превосходства над другими народами и средство их подавления)
- функция *социально-статусная* (как фактор престижа)
- экономическая* функция (оружие как ценный предмет)
- функция *коммуникации* (как средство общения)
- функция *наказания* (орудие права)
- сакральная функция (меч – носитель судьбы)

В сопоставлении функций, присущих культуре в целом и конкретного вида оружия можно прийти к выделению общекультурных функций оружия. В этом перечне функций есть главные, доминирующие, отражающие основное назначение оружия (например, военно-техническая, политическо-идеологическая и функция наказания).

Относительно военно-технической функции - она с очевидностью проявляется в эволюции форм и видов оружия.

С этой функцией оружия непосредственно связана политическо-идеологическая функция, значимость которой чрезвычайно весома.

Многие неверные интерпретации исторических событий, судеб народов происходили от непонимания, недооценки, а то и просто игнорирования факта превосходства одного оружия над другим. Практические достоинства, определявшиеся сравнительным совершенством конструкции и качеством выработки оружия, нередко влияли на судьбу сражений и участь целых армий. Обладание высокотехническим оружием повышало политический статус государства и степень его влияния во взаимодействии стран.

Социально-статусная функция как фактор престижа наглядно проявляется в облачении королей и императоров, военачальников в рыцарском вооружении, непременными атрибутами которого являлись меч, кинжал, сабля и т. п.

Экономическая функция оружия. Характер вооружения той или иной страны во многом зависит от состояния экономики государства. Однако и состояние экономики (по утверждению М. Вебера) также зависит от степени вооруженности населения. [5]

Перечень рассмотренных выше функций оружия может быть продолжен. Отдельные его виды обладают дополнительными функциями – например, *эстетической* (оружие может выступать как произведение искусства, каковым зачастую является охотничье и дарственное оружие), *сакральной* (тесно связанной со знаковой функцией), *мемориальной* (частные и музейные коллекции оружия).

Литература

1. Культурология: Учеб. для студ. техн. вузов / Колл. авт.; под ред. Н. Г. Багдасарьян. - 3-е изд., испр. и доп.- М.: Высш. шк., 2001. - 511 с.
2. Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем. – Москва: «Канн-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 576.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исслед., заметки. – Санкт-Петербург: Искусство, 2000. – 704 с.
4. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – Санкт-Петербург: Евразия, 2005. – 640 с.; Клейн Л.С. История археологической мысли: курс лекций. В 2-х т. - Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2005 .
5. Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем. – Москва: «Канн-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 576.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абезгильдин Р.Р.

*аспирант ФГБОУ ВПО Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

Северо-Западный институт управления

E-mail: arr1989@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИИ

Создаваемые на базе инфокоммуникационных сервисов, политические сети, являются примером мгновенного и точного, релевантного и ясного взаимодействия между участниками политической сети. С такой точки зрения, одним из важнейших понятий в политической сети, выступает информационный ресурс.

Информационный ресурс генерируется в последствии функционирования органов государственной власти, социально-политических институтов, научных предприятий, общественных организаций и отдельных индивидов.

Семиотический анализ информационного ресурса является важной задачей в понимании ресурса и его влиянии на работу политической сети. Влияние коммуникационных знаков на интерпретацию знаний и данных могут иметь критическое влияние на политическое поведение субъектов. Отметим что информационный ресурс вне специфической задачи обеспечения политической сети, является комплексным явлением, синтезированным из таких фундаментальных понятий как знание и информация.

Природа информационного ресурса с технологической точки зрения возвращается к явлению информационной системы и ее функциональных возможностей. Таким образом при анализе информационных ресурсов политических сетей стоит рассматривать в том числе и технологический аспект.

Данные поступающие в информационный ресурс как правило могут иметь разную природу и форму представления. Организация разнородных данных в единый и упорядоченный информационный ресурс представляет собой больше техническую задачу методов аналитики «больших данных», организации «витрин данных», архитектуры баз данных и средств графической визуализации этих данных. Решение технической задачи организации знания напрямую коррелируется с эффективностью использования информационного ресурса властью.

Таким образом, информационный ресурс является релевантным и значимым хранилищем разнородных информационных объектов, порождённым деятельностью информационных систем.

Функционирование политической сети приводит к появлению информации о самом факте функционирования сети, подобные информационные артефакты можно отнести к метаданным, описывающим сам факт работы политической сети и ее акторов. Такая информация может характеризовать эффективность работы политической сети в плане использования доступной информации.

Информационный ресурс в политической сети – это иерархическая многомерная структура организации знаний, сохраняемых и развиваемых функционированием информационной системы политической сети, используемых в решении политических задач. Взаимодействие субъектов политического процесса порождает отражение в информационной сфере, в виртуальной среде, где реализуется само информационное взаимодействие политической сети и всех задействованных акторов, так и база знаний этого взаимодействия, или информационный ресурс. Субъекты политической деятельности, с точки зрения коммуникации, имеют своего рода, проекцию в информационную среду, где сама деятельность этих субъектов порождает артефакты, остающиеся в информационной среде и пополняющее информационный ресурс, в том числе для дальнейшего функционирования политических сетей. Взаимодействие акторов политической сети порождает информационный артефакт, характеризующий как само взаимодействие, так и результат этого взаимодействия, который обогащает информационный ресурс политической сети. Организация своевременного доступа к информации, а также обновление и пополнение информации, являются важными задачами, влияющими на эффективность функционирования политической сети.

Алиев З.Т.

*кандидат политических наук, докторант Российского
государственного
гуманитарного университета*

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ – КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Россия сегодня возвращается на международную арену в качестве ключевого игрока, важнейшей части глобального конкурентного пространства. РФ, как никогда, заинтересована в укреплении своих позиций в стратегически значимых регионах мира.

Опыт глобального развития, на примере США и КНР за последние 30 лет, раскрывает весь потенциал государственной политики, направленный

на повышение конкурентоспособности с точки зрения глобальных вызовов.

Без социальной справедливости в союзе с духовностью невозможно сформировать и сохранить единство общества для стабильного регионального и общемирового развития, глобальной конкурентоспособности РФ.

Национальная идея России за последние два века формулировалась трижды. Каждый раз в соответствии с новым государственным устройством и задачами, стоящими перед обществом переходного периода. В этой связи, точно сформулированная «национальная идея» становится ответом на вызовы современности и гарантом национальной безопасности современных государств. Чем глобальнее национальная идея, тем сложнее её донести до массового сознания. Значит, она должна быть сформулирована простыми, понятными для большинства членов общества ценностными ориентирами, пришедшими к нам от истоков развития человеческого общества.

В связи с затянувшимся переходом от одного государственного устройства к другому, приходится отвечать на вопросы: где мы? что мы? как мы и что должно сделать государство? - чтобы сформировать стратегию и политику конкурентоспособности как «национальную идею», опираясь на две неразрывные категории: «мы в конкурентном пространстве» и «конкурентоспособность в нас». Сегодня, очевидно, что назрела необходимость сформулировать общероссийскую национальную идею. В этой связи такая комплексная категория как конкурентоспособность может и должна окончательно превратиться в национальную идею. Почему именно конкурентоспособность? Потому что, конкурентоспособность страны - мощный аналитический и политический инструмент, по сути, сформулированный требованием, в котором нуждается российский народ.

Рассмотрим, как пример, одного из наших глобальных партнёров США, двигавшиеся в 1980-90 годах именно по сценарию «конкурентоспособность - национальная идея».

В 1988г., конгресс США принял закон о торговле и конкурентоспособности, были сформированы Национальный совет по конкурентоспособности при президенте и другие структуры, отвечающие за повышение общей конкурентоспособности страны: Национальный совет по науке и технологиям, Национальный экономический совет, Администрация по технологиям Министерства торговли США, Коммерческая служба. Были приняты программы «Передовые технологии», «Партнерство в расширении производства» и т.д.

Кроме того, в 1993 году Штаты приняли федеральную программу «Технологии для экономического роста Америки: новый курс на создание

экономической мощи», а в 1994-м администрация президента США приняла «Стратегию национальной безопасности», в которой первый из семи разделов был посвящен повышению конкурентоспособности страны.

В 1995 г. президентская администрация США разработала и приняла федеральную программу до 2015 года «Инвестиции в человека», в соответствии с которой затраты госбюджета на образование, здравоохранение и социальную сферу за 20 лет увеличатся на 56% (по этим расходам США сейчас находятся на первом месте, опережая Россию в десятки раз). США, обеспокоенные снижением конкурентоспособности в ряде позиций, стремительным подъемом других государств (прежде всего, Китая, Индии, Бразилии), приняли в 2006 г. стратегическую программу под названием «Американская инициатива по конкурентоспособности» (*American Competitiveness Initiative*).[1] Тем самым стратегическая программа повышения конкурентоспособности была поставлена в число национальных приоритетов, в результате чего развернулась масштабная работа, в которую были вовлечены интеллектуальные силы, был подготовлен ряд законопроектов, в числе которых следует выделить законопроекты «О защите конкурентных преимуществ Америки» (*Protecting America's Competitive Edge*) и «О национальных инновациях» (*National Innovation Act*).

Сегодня, это прочно сложившееся партнерство частного, публичного сектора и гражданского общества, которое во многом формирует и корректирует стратегию долгосрочной конкурентоспособности и текущие приоритеты американской администрации (независимо от того, кто в ней демократы или республиканцы). И самый главный фактор успеха в том, что концепция понятна широким слоям общества и пользуется соответствующей поддержкой.

Надо отметить, что исторически в российском обществе очень сильно такое чувство этической и правовой категории, как *справедливость*. Требование справедливости в государстве и обществе воплощены в основных принципах и конкретных нормах Конституции Российской Федерации.

Поскольку эффективное распределение может быть не всегда справедливым, общество в какой-то мере всегда полагается на государство перераспределяющего доходы и иные блага между гражданами по социальной справедливости, при помощи налоговой системы. Тем самым проблема решается путем компромисса между критериями эффективности и справедливости.

Может ли конкуренция быть справедливой? Только в случае если участники конкурентного процесса руководствуются не только эффективным результатом и доходами, но и сохранением важнейших человеческих ценностей, что невозможно без духовности. [2, с.757]. Именно духовность укрепляет солидарность в обществе, обеспечивает

устойчивое единство и целостность, которые в свою очередь формируют системы ценностных ориентиров, основанных на Знании. Рассмотрим, к примеру, нашего другого глобального партнёра КНР. Одной из главных причин резкого повышения конкурентоспособности Китая послужило значительное увеличение государственных расходов на науку: 29,4 млрд долл. в 2006 г. по сравнению с 11,8 млрд долл. в 2000 г. Более того, это стало тенденцией, т.к. Китай наращивает расходы на науку на 20% ежегодно, доведя их до 2% ВВП в 2010 г. и планирует до 2,5% - к 2020 г.

Сегодня в российском обществе разворачивается серьёзная дискуссия о национальной идее России, пожалуй, самая серьёзная за последние три десятилетия. Представители учёного сообщества, управленческого аппарата и СМИ чаще всего сходятся во мнении, что в основу национальной идеи должно лечь качество знаний (образование), духовность и ряд других показателей, которые по отдельности могут рассматриваться как факторы конкурентоспособности, а их единство как *социальный проект будущего России*.

Для реализации национальной идеи страну надо обеспечить специалистами в области достижения конкурентоспособности. Необходимо начать подготовку в ведущих ВУЗ - ах страны специалистов по: « **Управлению конкуренто-способностью**».[3,с.359] Необходима переподготовка действующего управленческого аппарата в соответствии с новыми вызовами. А это уже практическая часть где, как известно, всё будет зависеть от точности принятых решений и скорости их внедрения.

Литература

1. State of the Union: American Competitiveness Initiative. The White House, President Georg W. Bush, For Immediate Release, Office of the Press Secretary, 31.01.2006.

2. С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова: «Толковый словарь русского языка», М.:2007

3. Р.А. Фатхутдинов: «Глобальная конкурентоспособность», М.:2009

Елфимов А.В.

Белорусский государственный университет, студент 3 курса

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ И МЕДИАСФЕРА

Успешность проведения внешней и внутренней политики страны, последовательность и развитие экономических реформ, продвижение торгово-экономических соглашений, эффективность выборных или информационных кампаний критически зависят от эффективности политического маркетинга (ПМ) в том или ином обществе, в том или ином государстве.

Общественная суть ПМ заключается в том, что он предлагает участникам политических процессов и информационного обмена

определенную философию поведения, определенную идеологию, определенную модель управления и мобилизации общества. Но делает он это не путем навязывания, а путем свободного выбора, предоставленного каждому гражданину, т.е. самым демократичным из известных способов. Таким образом, менеджеры, управляющие политическим маркетингом, изначально вынуждены ориентироваться на интересы и суждения широких масс – как и при любом ином рыночном действии. Именно таково видение эффективности действий на политическом рынке с точки зрения политического маркетинга – баланс между «спросом» и «предложением». И поэтому в основе ПМ лежат не только политология и социология, но и солидная междисциплинарная база, а также мультиметодологический подход к изучению и моделированию политического поведения больших социальных групп. Как научная дисциплина ПМ оформился на стыке предметных полей политической экономики, политуправления управления и PR-технологий [1, с. 11].

В современной Беларуси политический маркетинг находится на стадии становления, и разрабатываются лишь основные его категории и понятия. Между тем, наука давно уделяет большое внимание изучению влияния средств массовой информации (СМИ) на политические процессы и в данном контексте выходит на проблематику политического маркетинга как квинтэссенции подобного масштабного влияния. Несомненно, существует смысловая и причинно-следственная связь между СМИ и ПМ: политический маркетинг невозможен вне информационного поля – информация является одновременно и его носителем, и его целью. Таким образом, без СМИ ПМ просто неосуществим.

В тоже время и СМИ теряют свое политическое влияние и свою эффективность, будучи лишены огранки политическим маркетингом. СМИ оказывают сегодня большее, чем когда бы то ни было влияние на формирование сознания и поведение людей, становятся мощным инструментом влияния на институты власти [2, с. 42]. Но без ПМ СМИ фактически остаются без целеполагания, без критериев оценки их эффективности и без дополнительных источников финансирования. Следовательно, политический маркетинг обладает не только самостоятельной ценностью, но он также начинает доминировать над СМИ. При этом, сегодня просто «не существует единственного, признаваемого всеми определения маркетинга – ни классического коммерческого, ни политического» [3, с. 8].

Белорусские исследователи А. Мельников и С. Сокол считают, что ПМ возник в странах развитой демократии в 1950-е годы. Его появление исследователи связывают с именем Д. Эйзенхауэра, который первый обратился к услугам рекламного агентства для организации предвыборной кампании, и отмечают, что методы и приемы банковского и торгового маркетинга по продаже вещей и товаров применимы к «продаже»

политиков, т.е. повышению их шансов быть избранными. Сравнение политического деятеля с товаром — метафора не новая и широко распространенная: еще в 1969г. в США вышла книга Джо Мак-Гиннеса «Как продавали президента в 1968г», знакомившая читателей с технологией навязывания избирателю политического деятеля подобно рекламе товара [4, с. 17].

Однако сами прикладные цели политики и особенности используемой медиасферы определяют и конкретизируют сначала содержание политического маркетинга, а затем и его типологию. Типология, в свою очередь, следуя за политической практикой и даже злобой дня, определяет основные направления внедрения и распространения ПМ в медиасфере. Медиасфера же задает направление уже медийного развития самого ПМ, как бы замыкая круг. Таким образом, медиасфера и политический маркетинг стимулируют развитие друг друга.

Пропущенный через СМИ, ПМ также делится по методу его осуществления на два основных вида: вербальный маркетинг и визуальный маркетинг. Естественно, эти виды не существуют в полном отрыве друг от друга, наоборот, они применяются чаще всего в синтезе, но при этом используют два самостоятельных способа передачи информации – слово и изображение. По целям и задачам можно провести следующую классификацию политического маркетинга. В рамках ПМ стоит выделить: избирательный маркетинг, маркетинг государственных структур власти и управления, маркетинг территорий, маркетинг персон, маркетинг идей.

Чтобы, любая политическая идея «обрела жизнь», у неё должны быть последователи, которые бы её поддерживали. А у любого политического деятеля, должны быть сторонники, публично заявляющие, что «именно этого человека все мы так долго ждали». Но чтобы добиться подобного признания у широких кругов избирателей одной харизмы или уверенности в том, что предлагаемый политический курс или идея действительно верны и, конечно же, способны что-то сделать для общества, мало.

Идея может даже обладать конкретикой, выверенными планами и реальным потенциалом дать людям то, чего они уже давно ждут, но без «раскрутки» этого политического «товара», он так и будет лежать на полках. А, точнее, - в кабинетах разработавших его ученых и энтузиастов. Чтобы подобных оплошностей не происходило, существует такое понятие как политический маркетинг (ПМ), который служит своего рода рекламой любого субъекта политики. Политический маркетинг является удачной экстраполяцией уже известного всем маркетинга, давно использующегося в экономике, который просто переведен в политическую плоскость. С его помощью в глазах населения конструируется привлекательный образ протежируемого политического формирования, а также вырабатывается некий слоган, который должен «ласкать слух» людей, для того, чтобы

увлечь их за собой. Таким образом, основными видами политического маркетинга являются вербальный и визуальный.

Помимо вышеупомянутых направлений, политический маркетинг занимается решением и таких важнейших вопросов, как социальная мобилизация, т.е. привлечение большего числа сторонников, укрепление авторитета государственных деятелей, формирование электоральных предпочтений избирателей и т.п. Стало быть, по целям и задачам можно провести следующую классификацию политического маркетинга. В рамках ПМ стоит выделить: избирательный маркетинг, маркетинг государственных структур власти и управления, маркетинг территорий, маркетинг персон, маркетинг идей.

В чем же объективная причина столь широкого распространения политического маркетинга в наше время? Прежде всего, оно обусловлено тем, что в современном мире население довольно активно участвует в политической жизни страны, т.е. ростом политического участия масс. Если оглянуться вокруг, то мы увидим, что нынче повсюду и беспрестанно создаются политические партии и общественные объединения. Политический маркетинг вносит большой вклад в развитие любого политического объединения. Ведь именно ПМ формирует имидж не только отдельных политиков, но и целых стран, альянсов, глобальных объединений. Таким образом, политический маркетинг уже стал неотъемлемой частью медиасферы и прикладной политологии. И в условиях информационного общества медийный ПМ обретает все большее значение и актуальность.

Основной же проблемой реализации политического маркетинга через СМИ при демократических политических режимах является сложность его взаимодействия с популистскими политтехнологиями. Необходимо обеспечить при любых условиях адекватность, объективность и реалистичность как содержания, так и целей политического маркетинга с тем, чтобы он способствовал социальному прогрессу, а не регрессу; обеспечивал интересы общества, а не узких групп.

Литература

1. Недяк, И.Л. Политический маркетинг. Основы теории / В.П.Недяк. — М., 2008.
2. Комаровский, В.С. Государственная служба и СМИ / В.С. Комаровский. — Воронеж: Издательство ВГУ, 2003.
3. Морозова, Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии / Е.Г. Морозова. — М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 1999.
4. См.: Мельников, А.П., Сокол, С.Ф. Политический маркетинг / А.П. Мельников, С.Ф. Сокол. — Мн: НО ООО «БИП-С», 2003.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «НАУЧНОЙ ЭЛИТЕ» В АНТИЧНОЙ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Проблема «научной элиты», получившая свое научное обоснование в последние годы, имеет весьма длительный процесс своего теоретического оформления. Одними из первых концепций, в которых впервые был поставлен вопрос о понятии, происхождении и месте научной элиты в современном обществе следует считать концепции античного периода времени. Именно в античной политико-философской мысли в работах Платона и Сократа были сформулированы первые модели научной элиты и ее взаимодействия с политической элитой.

Платон наиболее полно сформулировал в античной политико-философской мысли элитарное мировоззрение, а также именно ему принадлежит первая цельная концепция научной элиты.

В диалоге «Государство» Платон сформулировал несколько проблем в сфере политики, а именно «кто должен править в государстве» и «с помощью каких институтов будет осуществляться власть». Условно данные проблемы могут быть сформулированы иначе, кому Платон отводит главную роль в управлении государством: личности, или же институтам государства.

Решая первый вопрос (проблему личности в государстве) Платон в своей концепции делит идеальное государство на определенные классы. Данные классы разделены по профессиональным ориентациям. Платон утверждал, каждый класс должен заниматься делом, которое лучше всего у него получается: крестьяне должны производить материальные ценности, воины должны защищать государство, а класс философов, в который входят наиболее одаренные и образованные члены общества «научная элита», должен им управлять во имя всеобщего блага.

Можно заметить, что большинство критиков «идеального государства» Платона довольно упрощённо трактуют его принцип деления общества на конкретные профессиональные сферы. Они полагают, что Платон описывает сословия, классы или даже касты общества, необходимые для придуманного им нового типа государства. Однако российский философ В. В. Семенов в своей работе «Уроки Платона. Наука и Политика» справедливо отмечает, что классы или сословия существовали задолго до древнегреческой цивилизации и не было никакого смысла их выдумывать заново. Деление на классы или сословия осуществляется по имущественному принципу и наследству имущества, а платоновское деление опиралось исключительно только на индивидуальные способности, благодаря которым ребёнок или взрослый попадал в соответствующую ему сферу разделённого общества [4, с. 160].

Под философами же, как социальной группой, Платон понимал «научную элиту», которая представляет элитарную социальную группу. По Платону, философы – это именно избранная, лучшая, наиболее интеллектуальная часть общества, поскольку они «способны постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы». Философ способен к целостному познанию, он «вожделеет не одному какому-то ее виду, а ко всей мудрости в целом», он страстный поклонник истины и бытия [2, с. 199].

Он выступал за радикальное слияние научной и политической элиты. Взаимоотношения военно-административной элиты с научной элитой в идеальном государстве решены Платоном достаточно радикально в пользу приоритета последней: в качестве самых тщательных стражей следует ставить философов [2, с. 201].

Платон, наделяя властью «научную элиту», требует от нее выполнения ряда функций. Первая функция – это образовать государство, которое было бы точной копией божественной формы или соответствовало идее идеального государства и выработать для него законодательную базу. Данную функцию можно обозначить как временную функцию. Вторая основная функция – это подготовка правящего класса. Данная задача является охранительной функцией верховной власти, которая не должна прерываться на всем протяжении существования государства. Данная функция заключается в контроле государства за образованием.

Учреждение, которое, согласно Платону, должно следить за будущими правителями, может быть условно названо государственным министерством образования. С чисто политической точки зрения, это учреждение – самое важное в платоновском обществе, у него ключи к власти. По одной только этой причине понятно, что, по крайней мере, высшие уровни образования должны находиться под непосредственным контролем правителей.

Система образования в платоновском государстве должна поставлять все новых и новых философов и во главе данного института должен стоять ни кто иной, как философ. Таким образом, Платон подчеркивает огромную важность философского образования правителей. Ведь философское образование, по Платону, выполняет определенную политическую функцию. Оно некоторым образом отличает правителей от всех остальных и воздвигает барьер между правителями и управляемыми. Платоновская мудрость приобретает, главным образом, благодаря установлению непоколебимой власти политического класса.

Совершенно иную модель взаимоотношения политической и научной элиты предлагал Сократ. Сократ подобно Платону требовал, чтобы правили лучшие, т. е. в соответствии с его взглядами, мудрейшие или те, кто знает, что такое справедливость. Однако следует подчеркнуть, что,

требуя, чтобы правили мудрейшие, он хорошо отличал их от ученых. На самом деле он относился скептически ко всей профессиональной учености – как философов прошлого, так и современных ему ученых, софистов.

Требование Сократа (если он когда-нибудь формулировал его как требование), чтобы правили лучшие, т. е. интеллектуально честные, высокоморальные, отличается от авторитарного требования, чтобы правили самые ученые, или от аристократического требования, чтобы правили наиболее благородные.

В действительности позиция Сократа по вопросу о взаимоотношениях носителей власти и философов была принципиально иная: философ не должен требовать престола. Позиция Сократа – позиция подлинного интеллигента, который как интеллигент – не царь, а теоретик и критик власти [1, с. 27].

Сократ подчеркивал, что он не мудр, что он не обладает истиной, а только ищет ее, исследует и любит. Он объяснял, что это и выражено словом «философ», т. е. любящий мудрость, ищущий ее, в противоположность «софисту», т. е. мудрецу-профессионалу. Если бы он когда-нибудь заявил о том, что политики должны быть философами, он мог бы иметь в виду только одно: отягченные дополнительной ответственностью, эти люди должны искать истину и осознавать свою ограниченность.

Лучше всех данный контраст, подчеркивающий различия в данных моделях, отметил К. Поппер: «Идеальный философ Платона приближается к всезнанию, к всемогуществу... он – философ-правитель. По-моему, вряд ли существует более разительный контраст, чем контраст между сократовским и платоновским идеалами философа. Это контраст между двумя мирами – миром скромного, рационального индивидуалиста и миром тоталитарного полубога» [3, с. 173].

Таким образом, в античной политико-философской мысли были сформированы две модели взаимоотношения научной и политической элиты.

Первая модель – это модель Платона, согласно которой правящая элита формируется из представителей научной элиты. К главным функциям, которые должны выполнять представители научной элиты, относится выработка законов для государства, подготовка правящего класса посредством специально созданной системы образования. Данную модель можно охарактеризовать как тоталитарную, в которой переход из одного социального слоя в другой был чрезвычайно сложен.

Вторая модель – это модель Сократа. В данной модели правящая элита формируется не только из представителей научной элиты, она должна формироваться из людей честных, высокоморальных. Научная элита напрямую не участвует в политическом управлении, ее главная функция заниматься наукой и лишь иногда, научная элита может

позволить себе конструктивно критиковать существующую власть, указывать на недостатки власти. Нужно понимать, что данная модель работает только при демократии, так как критика при тирании была бы не возможна.

Можно заметить, что данные модели предлагали совершенно разные подходы к участию научной элиты в политическом процессе. Если модель Платона делала акцент на управлении обществом представителями научной элиты, то в модели Сократа научной элите отводилась лишь роль участия в управлении государством и принятии политических решений.

Литература:

1. Ашин Г. К. Основы политической элитологии. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2015. – 520 с.
2. Платон Собрание сочинений в 3-х т. Т.3 (1). – М., 1971 – 333. с.
3. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
4. Семёнов В. В. Уроки Платона. Наука и Политика. – Пущино, ООО Фонтан-век, 2011. – 160 с.

Шершун А.В.

Ужгородский национальный университет, аспирантка

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ УКРАИНЫ

Политические коммуникации в настоящее время подлежат все большей «информатизации» и «медиатизации». Усилению их роли в Интернете способствовало динамическое развитие информационно-коммуникационных технологий. Сегодня недостаточно изученным аспектом остаются именно социальные сети Интернета как один из распространённых способов создания имиджа политической власти и средства влияния на общественное мнение.

Невозможно переоценить влияние глобальной сети Интернет на развитие фактически всех сфер общественной жизни современного общества, в том числе и сферы политики. Сначала преимущества Интернет-PR (PR мероприятия, направленные на влиятельные медиа ресурсы обществ и аудиторий, которые существуют исключительно в Интернете с помощью онлайн каналов: поисковых систем, блогов, новостных порталов, форумов, дискуссионных тем, социальных сетей и других онлайн-инструментов коммуникации) использовались в основном для корпоративных коммуникаций в бизнес-среде, однако в настоящее время они активно проникают и в политическую сферу. Страница в социальной сети для общественного деятеля, политика и любого

публичного лица становится средством коммуникации, распространения идей, источником официальной информации и тому подобное.

Ученые (П. Бурдые, А. Зильберман, Ж. Еллюль, Т. Келер, П. Лазарсфельд, Г. Лассвелл, М. Маклюен, Р. Уильямс, В. Фриндт и др.) посвящают свои научные поиски выяснению и интерпретации концепций коммуникации, в том числе и сети Интернет. Среди украинских ученых первую попытку систематизации информации касательно социальных аспектов Интернета сделал В. Щербина [5;6]. Вопросы об определении роли коммуникативных технологий в формировании политической культуры в условиях развития демократических политических институтов и деятельности правительственных структур поднимают В. Андрущенко, Л. Губерский, М. Михальченко.

Однако изложенные идеи и обобщения опыта касательно политической коммуникации далеко не во всем могут удовлетворить потребности украинского политического рынка с его особенностями и сегодняшней конъюнктурой.

Социальные сети – это социальная структура, состоящая из интерактивных часто используемых веб-сайтов, которые представляют собой автоматизированную социальную среду, что дает возможность общаться группе пользователей, объединённой общим интересом, в том числе политическим. Общение, хоть и виртуальное, с представителем высшей политической власти формирует у граждан чувство причастности к общественно-политическим процессам, участия в творении политико-экономических и социокультурных стратегий в государстве. А политические актеры получают возможность сознательно формировать их, уточняя и переделывая свой политический имидж, воплощая на практике действенные инициативы населения и оперативно развязывая актуальные проблемы.

Социальные сети приобретают все большее влияние на формирование общественного мнения в информационном пространстве, и этот необратимый процесс хорошо понимают украинские политики и общественные деятели.

Общественное мнение может формироваться двумя способами:

1) стихийно, вызываемое объективными причинами: актуальными общественными интересами и потребностями;

2) под влиянием определенных социальных институтов, которым выгодна циркуляция в общественном мнении определенных фактов и оценок.

Последний способ формирования общественного мнения предполагает целенаправленное воздействие на общественность с помощью специальных коммуникативных технологий, предназначенных корректировать ее мнение в нужном для заказчика направлении, в том числе и социальных сетей.

Основная причина роста активности государственных деятелей в социальных сетях – быстрое донесение информации до своих читателей, создание информационных поводов и сообщений СМИ, которые в свою очередь распространяют информацию на собственных ресурсах, и кроме информационных онлайн-ресурсов, политиков стали цитировать даже журналисты печатных и телевизионных СМИ.

Количество пользователей Интернета в 2015 году перешагнуло рубеж 50% населения Украины, при том факте, что в 2000 году, согласно статистике, всего 32% граждан активно использовали глобальную сеть. Сегодня украинские пользователи, по результатам исследования агентства Aip.ua, в среднем 119 минут в день проводят в режиме онлайн [1]. Наиболее популярные социальные сети среди украинских граждан – «ВКонтакте», «Одноклассники», «Mail.ru», Facebook и Twitter (в порядке уменьшения популярности).

Что касается доверия к информации граждан, которые пользуются социальными сетями, то результаты Интернет-опросов показали, что в целом уровень доверия респондентов к Интернету существенно превышает уровень недоверия – 46% доверяют Интернету, а не доверяют только 5% опрошенных. Оценивая объективность Интернета как СМИ, треть респондентов склоняются к мысли, что Интернет-СМИ так же объективны, как и традиционные, или являются даже более объективными (39% респондентов). Только каждый десятый считает традиционные СМИ (газеты, телевиденье и другие) более объективными [3].

Понимая ценность собственного присутствия в сети Интернет, на страницах разных сайтов один за другим зарегистрировались коллективные или индивидуальные субъекты высшей политической власти Украины. Особенно виртуальный политико-управленческий потенциал социальных сетей активно использует современная украинская власть после событий Майдана 2013-2014 гг. Кроме функционирования официальных сайтов Администрации Президента Украины, Кабинета Министров Украины, отдельных министерств и ведомств Украины, распространенной практикой стало использование персональных аккаунтов в социальных сетях государственными служащими, министрами и другими политическими деятелями. К примеру, на Facebook в ежедневном режиме «отчитывается» перед пользователями о проведенной работе, совершает правовую оценку и комментирует общественно-политические события министр внутренних дел Арсен Аваков.

Назначение Михаила Саакашвили главой Одесской областной государственной администрации спровоцировало значительный рост количества официальных читателей политика в Facebook, через некоторое время количество читателей перешагнуло полмиллиона. Когда М. Саакашвили стал украинским политиком, экс-президент Грузии стал самым популярным политиком в Facebook.

В десятку самых «отслеживаемых» политиков в социальных сетях входят (в порядке убывания): М. Саакашвили – глава Одесской ОГА, П. Порошенко – Президент Украины, А. Аваков – министр МВД, народные депутаты – А. Геращенко, С. Семенченко, Б. Филатов, Д. Ярош, премьер-министр А. Яценюк, народные депутаты Б. Береза и В. Парасюк [4].

Анализируя популярность за числом подписчиков, среди наиболее динамичных официальных страниц политиков, стоит отметить значительное влияние силового блока, а именно 7 из 10 политиков имеют непосредственное отношение к нему. За темпами увеличения количества читателей – наименее динамичная страница Арсения Яценюка, что в свою очередь связано со значительным числом читателей (338 тыс.) и отсутствием изменений в экономическом секторе.

Создавая страницу в социальных сетях, политик должен быть готов к диалогу, критике и обсуждению иногда не совсем приятных тем. Если нет – то страница в социальной сети будет не платформой для общения, а односторонним каналом пропаганды, который работает вхолостую.

Для сближения власти и граждан было бы полезным создать акаунты областных (региональных) и местных органов власти в социальных сетях, что значительно упростило бы коммуникацию населения и институтов власти, повысит эффективность и оперативность реализации гражданских инициатив и, безусловно, способствовало бы утверждению позитивного имиджа политической власти в Украине.

Литература

1. В контакте, Facebook, Одноклассники: украинцы в соцсетях по данным TNS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ain.ua/2011/05/27/49765>

2. Жванія Т.В. Протестна політична поведінка: реальна та віртуальна / Т.В. Жванія // Сучасне суспільство: політичні науки, соціологічні науки, культурологічні науки. – 2014. – С. 55-67.

3. Онлайн-опрос об использовании Интернет в Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ivoxgolos.com.ua/internet_usage_rus.html

4. Топ-10 політиків за приростом читачів на Facebook (перше півріччя 2015 року) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://infolight.org.ua/content/top-10-politykiv-za-pryrostom-chytachiv-na-facebook-pershe-pivrichchya-2015-roku>

5. Щербина В. Мережева кіберкомунікація як соціальний феномен / В. Щербина // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2002. – №1. – С. 109-116.

6. Щербина В. Интернет как новая социальная реальность: социологический аспект / В. Щербина // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства (збірник наукових праць). – Х.: Вид. центр ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2002. – С. 471-475.

Bożena Majchrowicz
doctor of health science
University of Rzeszow

IMPACT OF DEMOGRAPHIC CHANGES ON LONG-TERM CARE DEVELOPMENT IN POLAND

Abstract

Population aging is caused by, among others, lengthening the average duration of human life and lower birth rate, what makes a growing demand for the provision of long-term care. The problems are still growing up along with age – they include daily activities. Moreover, dependence may occur on another person, which can be a problem for both the elderly and families. The article presents the impact of the demographic changes since the second half of the twentieth century on the need to develop different forms of long-term care.

Keywords: *demography, long-term care, provision of care, senility,*

Introduction

The ongoing and constantly escalating changing forms of healthcare contributed to the reorganization of provided services. The emerging need to provide care for the elderly, chronically ill and disabled people enforces the need to develop long-term care. This is also of great importance due to the fact that with the lengthening of the human life, disability and dependence can increase due to diseases of chronic nature. Population aging is associated with numerous social, psychological, economic and political consequences. Seniors are among the major consumers of both health care and social services. The loss of autonomy and independence by the elderly causes that they become dependent on family caregivers, as in the case of inability to fulfill the function of families with protection and care it is necessary to transfer these responsibilities to other forms of assistance - ambulatory and institutional ones. Persons over 65 are a group of mostly benefiting from healthcare system in terms of medical, nursing and care services. [1] The coexistence of many chronic diseases and related disabilities, which makes the elderly dependent from caregivers, significantly increases over 75. [2]

Demography

According to demographic forecasts prepared by the Central Statistical Office (GUS) in 2009, the population of Poles will be reduced by two million by 2035. What is more, we will see an increase (from 5,137,000 to 8,358,000) in the number of people over 65 at the same time. It means that in less than thirty years, which is equivalent to one generation of Poles, proportion of older people will increase from 13.9% to 23.2%. This rapid growth is the result of two overlapping processes: lengthening of life expectancy and so called second

demographic transition characterized by a decrease in the number of births and marriages, floating average age of procreation and forming relationships - in the direction of older age, the increase in the number of divorces and informal relationships. [3] It is estimated that about 80% of the elderly suffer from at least one chronic disease or consequences of completed injuries, which at every second of them lead to permanent impairment of efficiency. Frequently, illness and medical problems accumulate in one patient, forcing to seek the assistance of several specialists, being in a spiral of prescribed drugs, and often conflicting recommendations. Thanks to the comprehensive geriatric assessment, the patient can be treated and rehabilitated in a targeted manner to compensate for functional deficits, as well as to plan further steps in health and social care in collaboration with long-term care. [4]

Long-term care

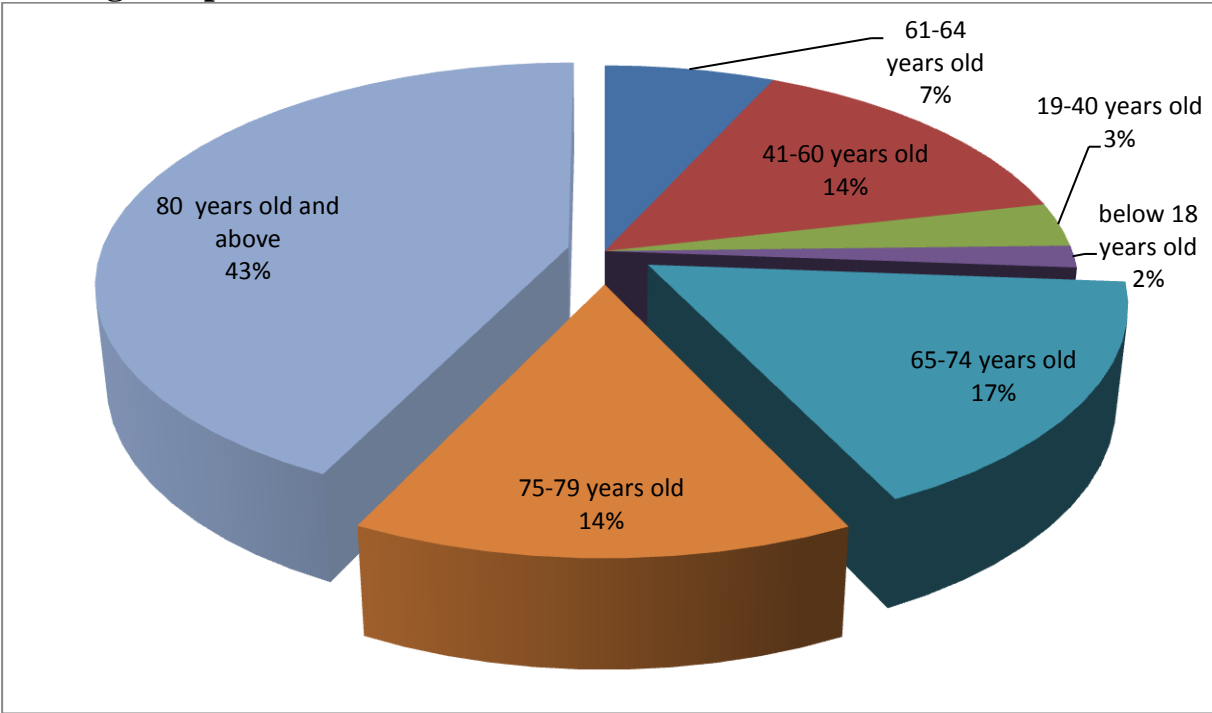
Long-term care is characterized by long, periodic, continuous and professional care and rehabilitation. It can support the continuation of drug therapy and diet. Moreover, both adults and children can benefit from nursing services. This is due to the scope of tasks foreseen for implementation in the different types of care. [5] Benefits and services available under the long-term care are spread between different parts of the social security system, and more specifically between: the health care system, the social insurance system and social welfare system. Long-term care is designed for bedridden people and chronically ill patients not requiring hospitalization, in which there are significant deficits in self-care, and who require round the clock, professional, intensive care, nursing, and continuation of treatment. [6]

The beneficiaries of long-term care are mainly disabled and chronically ill patients who did not require a hospitalization. Furthermore, long-term care services are used by people requiring professional and intensive care combined with continuing treatment [7]. Continued therapy lies in further medical treatment that is appropriate for the patient. [8]

One form of the health care system is stationary long-term care, which plays an increasingly important role to the progressive aging of the population. Long-term care facilities are care, medical and nursing facilities, as well as ones with psychiatric profile. In 2013, there were total 531 this type of facilities, ie. 2.3% more than in 2012. At the end of 2013, 73 hospices were reported, less by 12.0% than last year. Long-term care facilities and hospices disposed with a total of 30 thousand beds, which is 2.3% more than in the previous year. They provided care for 75.3 thousands of people in stationary conditions, which is nearly 1.8% less compared to 2012. In 2013, there were also 57 departments of palliative care (disposing of 935 beds), most of which diverged from the structure and function of general hospitals as part of long-term care. Apart from their stationary activities, some establishments also led home and/or daily care, which was significantly lower in 2013. This combined type of care covered 3.5 thousand people (36.5% less than last year). Similarly as last year, most of the

respondents were patients of hospices - 2.2 thousand of people and it was 0.9 thousand people less than last year. Furthermore, home care teams, operating with a long-term care facilities, provided assistance to 0.6 thousand of people and it was almost 2/3 less than in 2012. The age structure of patients of stationary long-term facilities (including hospices and for the first time with the departments of palliative care) shows that almost 74% of patients were over 65 (14% more than last year), of which more than a half are people over 80 years and even older. Patients aged 41-64 accounted for over one fifth of all treated as individuals, patients aged below 40 accounted for less than 5% of patients. [9]

Chart 1. Structure of the age of the patients in stationary long-term nursing and palliative care in 2013.

Source: Central Statistical Office - Health care in 2013. Date of publication 17/02/2015.

Along with changes in the model of family life in Poland, we could observe progressive aging of our population and the increase in the number of people with chronic diseases, especially among the elderly. The health care is obliged to solve new problems and face challenges associated with the provision of both care and welfare benefits as a part of long-term care to increasing number of people. While considering the increasing public demand for the services of a long-term care, it should be emphasized that an important element of future and planned activities should be striving to create a coherent approach to the care of a population of dependent people and the elderly. [8]

Summary

The policy of the European Union is aimed at the development of both support and assistance local facilities in the place of residence of an elderly person. What distinguishes Poland from other Western European countries in

terms of forms of care services for the elderly is their diversity. [10] Progressive aging of the population and an increase in the number of people with chronic diseases, especially observed among the elderly, places health care in front of new challenges related to the provision of care in the context of long-term care. Increased demand for long-term care is an enormous challenge due to the aging population and steadily growing population of dependent persons. [11] Change of the qualification system for the widely understood long-term care is very crucial from the point of view of future prospects, along with changes in the system including the care of patients and the system of benefits.

References

1. Szatur-Jaworska B., Błędowski P., Dzięgielewska M.: Podstawy gerontologii społecznej. Warszawa 2006; 221-240.
2. Zaczyk I., Brzyska M., Stypuła A., Tobiasz-Adamczyk B.: Zadania pielęgniarstwa środowiskowego związane z potrzebami ludzi starszych na podstawie wyników grup fokusowych przeprowadzonych w ramach projektu europejskiego PROGRESS: „Zwiększenie dostępu do środowiskowych form opieki dla osób starszych, mieszkających we własnych gospodarstwach domowych” Problemy Pielęgniarstwa 2011; 19 (2): 239–243
3. Van de Kaa D.J: Europe,s Second Demographic Transition Washington, DC 1987
4. Bień B., Opieka geriatryczna w perspektywie starzenia się ludności polski. (w): Hryniewicz J.: O sytuacji ludzi starszych.Wyd. Rządowa Rada Ludnościowa, Warszawa 2012,
5. Koziarkiewicz A., Szczerbińska K.: Opieka długoterminowa w Polsce: Ocena stanu obecnego oraz rozwiązania na przyszłość. Wyd. TerMedia, Kraków 2007
6. Tomaszewska K., Kłós A.: The level of independence of the elderly. (w): Rudzki S., Brukwicka I., Noworól J., Stawarz B. (red): Interdyscyplinarne aspekty urody, zdrowia i choroby. Wydawnictwo PWSTE Jarosław 2013 r. s.111 – 122,
7. Stachowska M.,: Formy opieki nad starszym pacjentem stosowane w Polsce (w): Wieczorkowska-Tobis K., Talarska D.,: Geriatria i pielęgniarstwo geriatryczne, Wyd. Lekarskie PZWL,
8. Majchrowicz B.: Long-term care as a support for society. Charity, Philanthropy and Social Work. Wydawnictwo PWSTE Jarosław 2014 s. 105-117.
9. GUS Zdrowie i ochrona zdrowia w 2013 r. Data publikacji 17.02.2015
10. Krzyszkowski J.: Usługi opiekuńcze dla ludzi starych w miejscu zamieszkiwania w Polsce i w innych krajach UE. (w): Kowaleski J., Szukalski P.: Starość i starzenie się jako doświadczenie jednostek i zbiorowości ludzkich. Zakład Demografii UŁ. Łódź; 2006
11. Majchrowicz B., Tomaszewska K.: The history of long-term care in Poland and in the countries of the European Union. Національний

педагогічний університет імені М. П. Драгоманова ВГО Українська Академія Наук Гілея Науковий вісник Історичні науки, Філософські науки, Політичні науки Випуск 97 (№ 6) Київ – 2015 s.452 -456

12. Ministerstwo Zdrowia Stan faktyczny i perspektywy rozwoju opieki długoterminowej w Polsce, Warszawa 2012

Katarzyna Tomaszewska,
doctor of social science,
Medical center in Jarosław,
Bronisław markiewicz state higher
school of technology and economics in Jarosław

Alicja Klos
doctor of social science,
Bronisław markiewicz state higher
school of technology and economics in Jarosław

SOCIAL CARE NEEDS OF SENIORS

Abstract

Health is a basic condition for prosperity in human life. Caring for it, recovering it after illness or overcoming disabilities are dependent on abilities of people to use the resources available in their physical and social environment. Unavailable or inadequate health care may be an issue which can put health at risk, as well as aggravate health and social problems as poverty, unemployment, stress and lack of support in society. [1] The article presents the scope of social and care problems experienced by seniors and their families.

Keywords: *needs, senior, geriatrics, social work,*

Introduction

Over the next half-century, population aging will be the most important, permanent and irreversible demographic trend occurring globally. [2] The aging of the Polish society will indisputably generate diverse needs within, among other things, access to the benefits system, the market of goods and services targeted at the oldest population, the demand for medical services. [3]

Social care needs of seniors

Human needs are defined as a condition of biological and psychological structure of the body, individual experiences and place in the social structure. Sometimes, the needs are distinguished from the desires or aspirations - as a result of belonging to the human species. Moreover, aspirations are the result of unfulfilled desires. [4] Based on numerous studies involving the elderly, the needs of older people have been characterized as occurring at different levels of the hierarchy. Everyday tasks are consuming more and more time, the attention increasingly focuses on reflexivity, balancing life, striving to leave behind what was the most valuable in life. The greatest importance of mental needs is based on the fear of death and disability – it includes acceptance, affiliation and love.

The elderly are a social group that most feel a great need for acceptance and activity, performing a variety of social roles, the extent of their opportunities to participate fully in everyday life in family communities. [5] Feeling the specific needs depends largely on the severity of the aging process. After crossing the threshold of the so-called venerable age, the needs for medical care are intensifying along with care and support from families, institutions and individuals from the immediate surroundings. Their satisfaction is the main stimulator of enjoyment of life, as well as reducing the way to senility, a sense of rejection, marginalization and social exclusion. [6]

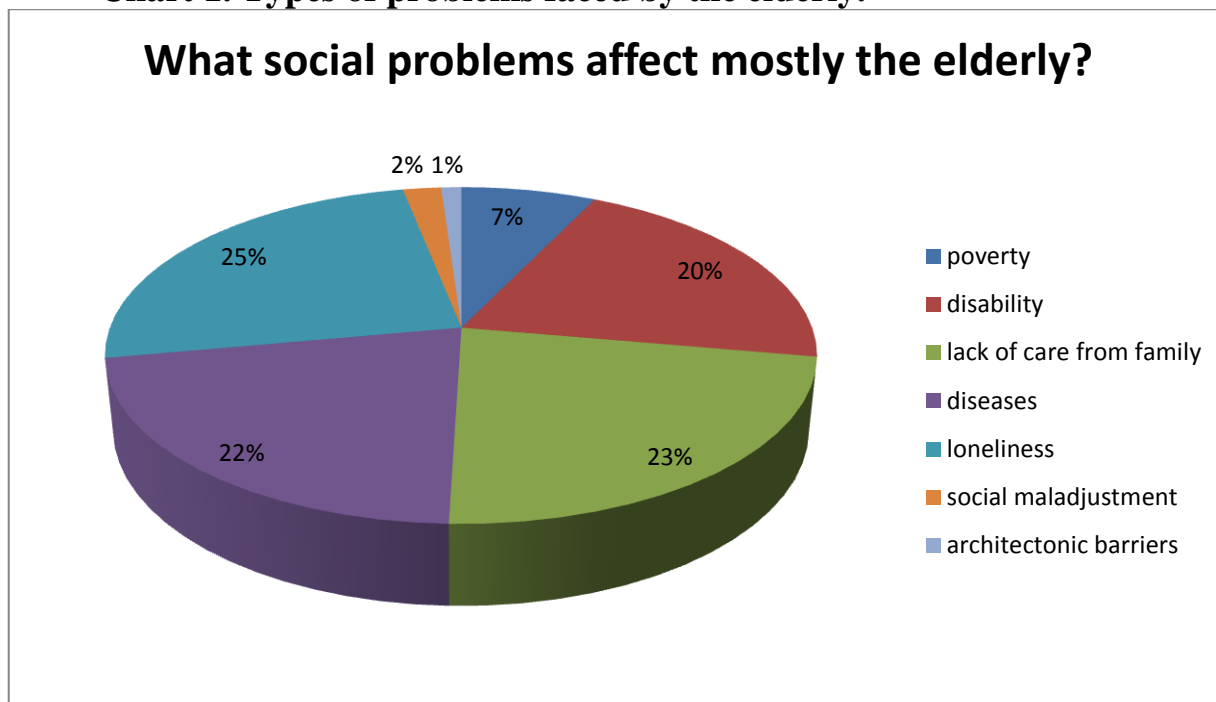
Old age is a specific period, the last of seven stages of human life, often causing fear of the inevitable and unknown. This period, which extends in a differentiated manner, is not entirely personalized in relation to each unit. It is also one of the concepts that have not been clearly defined by both the social and biological sciences. Old age is identified with a decrease in stamina, deteriorating health, change and loss of social roles, as well as reduction of bonds. Old age is also a contamination of biological, psychological and social changes. The relationship making up the biological and psychological processes of old age and changes in the sphere of social behavior are dynamic and synergistic. The dynamic because they change over time. Synergistic, since these different processes affect each other, speeding up or slowing down the aging processes. The complexity of the processes make it difficult to designate thresholds of old age, identify potential problems, both social and care needs. Various disciplines define its stages and starting point in a different way. Biological age is the degree of loss of body fitness. This process is individualized and it is extending in a different manner for each individual, therefore, it becomes very difficult to determine the time at which the person exceeds the threshold age. Demographic age is the number of lived years. [7] Aging is a natural process in human life - a process which should not be confused with the disease. There are new problems of existence of the elderly in a society. According to the World Health Organization (WHO), the threshold of old age is the age of 65 years, which is mainly due to the change of socio-economic status after retirement. It should be emphasized that this limit based on age is arbitrary, since the calendar age is not an objective measure of the aging process.

The needs are an individual matter of each person and depend, in addition to those of the lowest order, on a number of factors. Therefore, the literature divides them into „aware” ones (aims and aspirations) and „unaware” ones. This is why the needs of a higher order are stimulated by social or cultural lifestyle. Among the needs, we can also highlight the objective and subjective needs. The objective are those whose occurrence, regardless of whether they are aware or not, are regarded as natural for a particular phase of human life, physical and mental conditions and place in the social system. Subjective needs are those that reflect the human awareness in terms of his desires and assessment of feasibility.

The most socially acceptable needs accompany human in old age, as well as in the other stages of his life. Undeniably, these include: the need for love, acceptance, security, the need for adequate housing adapted to circumstances, income, etc. It should be noted that in this period of life, as in the initial one, family members are the ones helping to satisfy the needs. Older people suffer more deficiencies in meeting their needs than others. Many of them experience deteriorating health and general fitness over years. In Polish conditions, many of them is in a worse financial situation than other groups. Thus, their social position is being degraded. [8] Piotr Błędowski [9] considers that a community of old people stand out against the whole of society specific social characteristics. The aging society provides a systematic reduction of the scope of social interaction, reduction or interruption of economic activity, decreased or complete loss of social contacts, as well as withdrawal from participation in social life. In old age there are changes in the relationship between the individual and society. The most important of them is retirement, which often involves changing the current way of life, the creation of new relationship with the family – with spouse, children and grandchildren, friends and the community. There is a noticeable tendency to move away to „remove old people by the wayside” in the modern societies. Therefore, the elderly after retiring from professional life could be faced with the loss of authority in the family and the environment, but also with an excess of free time, which turns out to be very difficult for development, which in turn contributes to the reduction of activity, as well as social isolation. Persons withdrawing from social and professional life often focus on their problems, becoming more self-centered. Withdrawal from social life can also have a positive side. A part of the elderly people retain their activity, not isolating themselves from the world, which allows to be more active in the bosom of the family or in the other areas of life. Thus, the old people may realize their own passions and interests.

Chart 1 presents the detailed scope of the problems faced by older people in their environment, determined on the basis of my own research conducted among 115 respondents. The problems relate to the sphere of care, disability, poverty or loneliness.

Chart 1. Types of problems faced by the elderly.

Source: Own.

The older people, while assessing their needs, emphasize the great need for the provision of care, due to health situation and lack of independence. Among the surveyed people, there is quite a significant need of help of social workers in the coming years, especially in the context of care for the elderly. The elderly often are of the opinion that the offer of aid provided by aid organizations does not meet their needs in the local environment. [2]

Summary

The health care system and social assistance should implement such activities to people with chronic illnesses and the elderly to remain self-sufficient for a long time and stay as long as possible in their own homes. It is nevertheless necessary to take into account the fact that due to the success that medicine refers to saving lives, there will be more and more people who will need repetitive professional intervention in stabilization of injuries, as well as some form of care in relations to the limitation of self-care capabilities. Integrated operations of health and social care should support willingness of the family to support the family member of the patient, as well as a sense of responsibility and obligation to provide care at home. [10] This is the best, the cheapest and most valuable in terms of humanitarian aid form. Families must receive more support. The long-term care units are needed to protect medical, welfare and social services in the environmental conditions of the patient. [11]

References

1. Tomaszewska K., Kłos A.: Praca socjalna w ochronie zdrowia. Wydawnictwo Korepetytor, Płock 2015, s.7

2. Tomaszewska K.: The needs of elderly people in the opinion of a social worker. Charity, Philanthropy and Social Work. Wydawnictwo PWSTE Jarosław 2014. ISSN 2353-4605, s. 59-68
3. Dziegielewska M.: Postawy wobec ludzi starszych w nowoczesnym społeczeństwie. (w): Czerniawska O., Woźnicka E. (red.): Gerontologia. Zeszyty Naukowe WSHE nr 7 (12). Wydawnictwo Wyższej Szkoły Humanistyczno – Ekonomicznej, Łódź 2000, s. 7 - 17.
4. Kocowski T.: Potrzeby człowieka - koncepcja systemowa.. Ossolineum ,Wrocław 1982. s.188,
5. Trafiałek E.: Polska starość w dobie przemian, op. cit. s. 106.
6. Woźniak I.: Najstarsi z poznańskich seniorów. Jesień życia w perspektywie gerontologicznej. Poznań 1997, s. 83
7. Sokołowska D.: Starość jako faza w życiu człowieka. <http://www publikacje.edu.pl/pdf/9301.pdf> z 09.08.2015
8. Piķuła N.: Senior w przestrzeni społecznej. Wydawnictwo Borgis, Warszawa 2013 s. 10- 78
9. Błędowski P.: Lokalna polityka społeczna wobec ludzi starych. Warszawa 2002, s. 183.
10. Kimber- Dziwisz L.: Opieka długoterminowa – konieczność i wyzwanie dla pielęgniarstwa. (w): Pielęgniarska opieka nad ludźmi starszymi. Wydawnictwo Raabe, Warszawa 2008. s 3,
11. Majchrowicz B., Tomaszewska K.: The history of long-term care in Poland and in the countries of the European Union. Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова ВГО Українська Академія Наук Гілея Науковий вісник Історичні науки, Філософські науки, Політичні науки Випуск 97 (№ 6) Київ – 2015 s.452 -456

КОНЦЕПТ “MUSLIM WORLD” КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НОВОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Современная социально-политическая обстановка в стране сложилась таким образом, что вопрос религиозного сознания граждан вышел за пределы частной жизни и стал предметом общественного интереса и обсуждения. Данный вопрос обусловлен целым рядом причин и требует специального комплексного исследования с привлечением сил ведущих религиоведов, культурологов, лингвистов, социологов, психологов и представителей других общественных наук. Основываясь на достижениях когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, представляется возможным исследовать концепт “Muslim World” как феномен англоязычной лингвокультуры. Случайны ли в английской лингвокультуре «реликтовые» знания, имеющие отношение к этике ислама, которые в обыденном сознании не воспринимаются таковыми? Когда и какая часть британского народа подверглась влиянию исламской культуры? Какова религиозная самоидентификация британской молодёжи сегодня? Как религиозное сознание отражается в этической картине мира британского народа, запечатленной в языке?

Языки обычно распространяются как следствие роста политического влияния. Политическое и культурное преобладание одного народа над другим неизбежно ведет к проникновению языка первого в язык последнего. Английский язык во многом обязан своей популярностью распространению британского колониализма во многих частях мира. Подобным образом присвоение арабскому языку статуса языка мирового значения было связано с подъемом ислама как важной мировой религии и его распространением во многих регионах. До появления ислама арабский язык был незначительным, используемым лишь небольшим количеством кочевых племен на Аравийском полуострове. Спустя 100 лет со смерти Мухаммеда в 632 году арабский язык стал языком мировой империи с границами, простирающимися от Испании и Африки на Западе до Индии и Китайских границ Центральной Азии на Востоке [5, с. 17-18].

В современном мире английский стал главным международным языком. В исламских сообществах и в их коммуникации между собой английский язык также приобретает всё большее значение. Эта тенденция прослеживается как в крупных странах, где преобладают мусульмане, таких как Индонезия, Пакистан, Бангладеш и Малайзия, так и в тех странах, где их меньшинство (например, в Индии). В США, Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии появились

небольшие англоговорящие исламские группы. Английский язык является одним из официальных рабочих языков Организации Исламского Сотрудничества (Organization of Islamic Cooperation — OIC). Несколько крупных исламских стран используют английский как свой второй главный язык. А многие международные исламские конференции проводятся на английском языке. Английский язык также стал главным языком распространения ислама. И самые оживленные исламские веб-сайты и форумы написаны на английском [1, с. 336].

Мусульмане – самая быстрорастущая и самая молодая часть населения Великобритании, что подтверждает проходящая раз в десятилетие перепись населения. Сравнивая данные предпоследней (2001 г.) и последней (2011 г.) переписей (см. *Таблицу 1*), можно увидеть, что число мусульман за 10 лет выросло с 3 до 4,4% от всего населения, а в возрастной группе до 25 лет доля мусульман составила уже 10% [2, с. 27].

Таблица 1.

Год переписи	Количество мусульман (тыс. чел.)	% от общей численности населения	Количество мечетей
1961	50	0,11	7
1971	226	0,46	30
1981	553	1,11	149
1991	950	1,86	443
2001	1600	3,07	614
2011	2869	4,80	1500

Дополнительные подсчеты показали: с 2001 по 2009 г. численность мусульман возростала на территории Соединенного королевства в 10 раз быстрее, чем представителей других религий. В абсолютном выражении число мусульман с 2001 по 2011 г. выросло более чем на 1 млн 200 тыс., из них почти 600 тыс. – родившиеся на территории Британии дети. Около 100 тыс. человек в ходе переписи заявило, что являются конвертитами, принявшими ислам. В целом в стране на 2011 г. проживало примерно 2,78 млн мусульман.

Все это происходит на фоне установленного той же переписью сокращения числа христиан. В 2001 г. таковыми себя считали 72% населения страны, а в 2011 г. – лишь 59%. Более половины христиан на момент переписи 2011 г. были старше 50 лет, четверть – старше 65 лет. Из возрастной группы моложе 25 лет христианами себя называли менее 50%. Количество христиан, по мнению переписчиков, могло быть еще меньше, но на 2% компенсировалось иммиграцией из Польши и Нигерии.

По переписи населения 2001 года подавляющее большинство британских мусульман живут в Англии и Уэльсе (1,536 млн из 1,591 млн.). Около 42 тыс. мусульман (0,84 % населения) проживало в Шотландии и

около 2 тыс. проживало в Северной Ирландии. В 2011 году сообщалось о 100 тыс. новообращенных мусульманах, 66 % из которых женщины. В 2011 году около 5,2 тыс. британцев приняло ислам и эта цифра с каждым годом только увеличивается [2, с. 29-30].

По заявлению Британского института Гитсона ежемесячно в стране более сотни британцев принимает ислам. Увеличение числа новообращенных наблюдается в тюрьмах и среди подростков в школе.

Согласно наблюдениям, все более широкое использование исламских/арабских слов и выражений в современном английском свидетельствует о всё возрастающем влиянии религии и культуры на англоговорящем Западе. Такое внедрение исламских терминов побуждает использующих их принять исламский образ мыслей, определения действительности, религии и политики. Они станут более лояльными к призывам. Таким образом, мы являемся свидетелями зарождения международной англоговорящей исламской культуры.

В ходе исследования были обнаружены языковые свидетельства процессов диаспоризации мира и этнизации социальных групп. Отчетливо прослеживается тенденция употребления слов-этнонимов в контекстах, связанных с тематикой нелегальной иммиграции, терроризма. Например, можно отметить метонимическую соотнесенность понятий *Arab*, *Muslim* и *terrorist*, что является следствием глобального распространения дискурса войны с террором после событий 2001 г. в США (Например: *I interviewed Muslim and Arab Americans in early days after Sept. 11, who freely admitted that they, too, looked at other Arabs or Muslims in a new way at airports*).

В теории и описании концептов ученые разграничивают содержание и структуру концепта. Содержание концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и описывается как совокупность этих признаков.

Содержание концепта внутренне упорядочено по полювому принципу: ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Структура концепта включает базовые структурные компоненты разной когнитивной природы — чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Совокупность языковых средств, объективирующих концепт, определяется учеными как номинативное поле концепта. Номинативное поле включает единицы всех частей речи и является принципиально неоднородным конструктом: содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). Номинативное поле концепта отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики — лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля,

синонимического ряда, ассоциативного поля — тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав [4, с. 90-91].

Таким образом, уже на начальном этапе исследования можно говорить о том, что концепт “Muslim World” представляет собой динамичный продукт дискурса, отражаемый в виртуальном коммуникативном пространстве. Дальнейшее исследование способствует более полному пониманию современной англоязычной картины мира, углубляет научные представления о взаимодействии политических и этнических событий с языком и культурой молодежи Британии.

Литература

1. Akou, H. M. Interpreting Islam through the Internet: making sense of hijab. Contemporary Islam, 2010, Volume 4, Number 3, Pages 331-346.

2. Lynch, M. Young Brothers in Cyberspace. Middle East Report, No. 245, The Politics of Youth (Winter, 2007), pp. 26-33. Web: <http://www.merip.org/mer/mer245/lynch.html>

3. Буряковская, В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Волгоград, 2000. – С. 25-28.

4. Компанцева, Л.Ф. Религия в Интернете (концептуально-прагматический анализ), Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, серия «Политические науки», т. 19 (58), №1, 2006. – С.81-91.

5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. – С. 17-25.

Король Е.В.

*к. филол. н., БУ ВО Сургутский государственный университет,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПРОИЗВОДНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ АГЕНТИВНОСТИ В ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Словообразовательную систему любого языка можно разложить на множество подсистем, так называемых словообразовательных категорий, относящихся к области семантики, и имеющих свое структурно обусловленное выражение, т.е. обслуживается определенным набором аффиксальных средств, который составляет словообразовательное поле конкретной категории.

Суффиксальные системы германских языков менее разнообразны, чем славянских, причем продуктивными могут считаться всего 1–2 единицы. Немецкие суффиксы, за редким исключением, грамматически прозрачны, т.е. представляют собой "структурные сигнализаторы тех или иных

грамматических признаков" [1, с. 62]. Отличаясь аналитическим строем, английский язык имеет довольно скромную систему словообразовательных элементов, и еще более скромный пучок выражаемых грамматических значений. Наличие семы инструментальности или средства для выполнения какого-либо действия в английском языке предполагается только у четырех суффиксов. Фактически, СК инструмента не имеет своих собственных формантов. Следовательно, в английском языке категориям деятеля и инструмента не присуща последовательная словообразовательная дифференциация, так как поле вещи вообще не располагает каким-либо присущим только ему словообразовательным формантом. Поле вещи «питается» за счет словообразовательных ресурсов поля одушевленности. Более того, при слиянии СП обеих категорий теряется грамматический признак одушевленности – неодушевленности. Несмотря на то, что суффиксальная система исследуемой категории считается очень развитой в германских языках, она намного меньше и менее вариативна, чем в русском и украинском.

Самым продуктивным английским суффиксом при создании отглагольных производных является *-er* (и его варианты), который имеет самое широкое агентивное значение, образуя 47 % (а в американском варианте больше) со значением производителя действия, как лиц, так и названий предметов. В немецком *-er* еще более активен, возможно, благодаря наличию такого разнообразия в фонетическом и структурном плане вариантов. Г. Марчанд выделяет несколько семантических групп существительных с суффиксом *-er*, которые на уровне толкования словообразовательных значений очень далеки друг от друга. [4] Если же попытаться свести все к исходной прототипической ситуации, то семантические подвижки окажутся вполне объяснимыми, а толкуемые значения связанными. Каждому из этих признаков в языках славянской группы могут соответствовать разные суффиксы. Очевидно, что именно суффикс *-er* в английском (а также немецком), равно как и *-щик/-чик* в русском, образуют производные с самым широким агентивным значением и именно у этих аффиксов тенденция к генерализации и деспециализации значения в современных языках достигла апогея. Это привело к тому, что образованные с помощью *-er* единицы, совместили личное и орудийное значения – ситуация, типичная для многих языков, причем было замечено, что это совмещение чаще всего наблюдается у отглагольных производных. Такое совмещение характерно для всех производных с обобщенным значением *nomina agentis*, однако для германских языков оно гораздо более свойственно, чем для славянских (напр., модели «V+-тель»), что обусловлено общим различием типологических черт славянских и германских языков и, в некоторой степени, количеством действующих формантов.

По всем показателям данная модель обладает очень высокой продуктивностью, о чем писал Г. Марчанд, утверждая, что агентивное существительное с суффиксом *-er* может быть образовано практически от любого глагола, употребляемого в языке [4, с. 18]. Рассматриваемый формант действительно принадлежит к наиболее продуктивным суффиксам английского языка, хотя, и на деривацию ПС по модели с *-er* накладываются достаточно существенные ограничения (формы на *-er* невозможны, например, от глаголов *fall, swell, die, faint, blush, belch, be, live* и ряда других интранзитивов). В современном английском словообразовании отмечаются случаи присоединения *-er* к основам, представляющих фразовые глаголы.

На основании сопоставления продуктивности моделей можно даже говорить о снижении глагольности и в немецком языке. Та же тенденция действовала (и продолжает действовать) в сфере функционирования ПС на *-тель* в русском, что привело к возникновению полисемантической, а в дальнейшем – к снижению продуктивности суффикса.

Интересная ситуация сложилась вокруг суффикса *-ee*, который, относясь к категории деятеля, по существу выражает субъекта, на которого направлено действие. Элемент пассивности в концептуальном пространстве данного форманта определяется его происхождением от форм пассивного причастия французского языка. Словарь Колинза дает два значения данного форманта: 1) человек, над которым выполняется действие – *deportee, addressee*; и 2) тот, кто выполняет действие (чаще одноразовое) – *absentee, retiree*. [3] Интересно, что ПС второй группы имеют в своей основе глаголы активного действия, но концептуальный анализ производных позволяет выделить наличие осевого концепта, объединяющего обе группы, а именно: «присутствие внешнего фактора / сущности, влияющей на объект и вызывающий изменения».

Наиболее распространенным среди интернациональных суффиксов во всех рассматриваемых языках является *-ист*. Расширение круга сочетаемости этого суффикса наблюдается с конца 70-х гг., в частности в английском языке, где *-ist* присоединяется не только к основам существительных, но и прилагательных и глаголов, свидетельствует о его все возрастающей продуктивности, особенно в западноевропейских языках (14,3 % – в английском языке). Конкуренция и в некоторых случаях даже вытеснение существительными с *-ist* образований с другими формантами характеризует все исследуемые языки: англ. *judoman - judoist* (рус. «дзюдоист»), *cybernetician - cybernetist*; рус. *ленинец - ленинист*. Тем не менее продуктивность *-ист* в славянских языках, безусловно, ниже (в укр., рус. – не более 4 % ПС), однако если учесть тот факт, что еще в прошлом веке он давал лишь единичные образования [2, с. 72], то рост его активности налицо. Подавляющее большинство образований с этим формантом в славянских языках обнаруживает полное структурное и

семантическое тождество – *специалист* (р.), *spezialist* (ук.), *specialist* (ан.), *spezialist* (н.) и т.д. Словообразовательная активность *-ist* в германских языках поддерживается соотносительностью с абстрактными существительными на *-ism*. Обобщая все выше перечисленные факты, можно сделать следующие выводы.

Словообразовательные единицы исследуемой категории в обоих типах языков могут образовывать ПС от глагольных, субстантивных, адъективных и наречных основ (в некоторых случаях даже от синтетических локативных основ). При этом следует упомянуть, что модели, отличные от V + суф. чаще передают концепт действия опосредованно, посредством привлечения экстралингвистических знаний о действиях, связанных с этим предметом.

Диахронический анализ дает все основания предполагать, что развитие значения аффиксов данной категории направлено от одушевленного деятеля на неодушевленного. Все суффиксальные единицы, имеющие в своей семантике отнесенность к названию предметов, сопутствующих человеческой деятельности, диахронически восходят к значению одушевленного субъекта, производящего действие, т.е. концепт одушевленности активного производителя действия постепенно стирается, а вместе с этим и уменьшается «глагольность» дериватов данной категории. Процессу размывания границ одушевленности / неодушевленности действителя сопутствует процесс смещения акцента значения активного действия и подмена его значением функционирования в том или ином качестве, т.е. в концептуальном пространстве, реализуемом производными именами, относимыми к лексико-семантической категории деятеля, центральное место занимает не понятие произведения конкретного действия, а концепт, несущий идею возможности функционирования по предусмотренным обстоятельствам (например, *избиратель* рус., *elector* англ. и т.д. может не участвовать в названной деятельности, но оставаться потенциальным деятелем). Словообразовательное поле любой категории имеет прототипическую организацию. Процесс затухания выраженности значения инструментальности в концептуальной структуре суффиксов стал причиной поглощения ЛСК инструмента словообразовательным полем ЛСК деятеля. В центре прототипической структуры словообразовательного поля находятся наиболее продуктивные суффиксы, семантический потенциал которых позволяет им быть соотносительными как с одушевленным, так и с неодушевленным производителем действия.

Литература:

1. Мурясов Р.З. Избранные труды по германскому и сопоставительному языкознанию. – Уфа, 1998. – 290 с.
2. Протченко И.Ф. Образование и употребление имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском

языке // Статьи и исследования по русскому языку: Учен. зап. Московского гос. пед. уни-та. – М., 1960. – Т. 158. – С. 41-138.

3. Collins Cobuild English Guides 2: Word Formation. – L. Harper Collins Publishers, 1996.

4. Marchand H. The categories and types of present-day word-formation., Alabama Linguistic and Philological Series., University of Alabama Press., 1969.

Кямкина Ю.Ф.

*аспирант, учитель русского языка
и литературы МОУ «Лицей №4» г. Саранск*

СПЕЦИФИКА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Одним из важнейших направлений, способных приостановить бессмысленный рост противостояния, насилия и агрессии, является образовательная политика, направленная на формирование гуманистических ценностей, связанных с признанием равенства всех людей, живущих в многополярном мире, независимо от их вероисповедания, этнической, национальной или расовой принадлежности. И здесь на первый план выходит практика поликультурного образования.

Цель статьи – рассмотреть специфику организации поликультурного образования в Республике Мордовия на современном этапе развития данного поликультурного региона России.

Г. Н. Слепцова и В. В. Ушницкая дают следующее понятие поликультурного образования: «это процесс подготовки индивида к социальной, политической и экономической реальности, когда используются языковые и культурные ресурсы, развивается интерактивное межкультурное взаимопонимание» [2, с. 108].

Цель поликультурного образования – формирование человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего умениями жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований.

Нельзя не согласиться с мнением А. С. Дунаевой о том, что в основе поликультурного образования лежит принцип поликультурности [1]. Он предполагает, что содержание образования должно отражать определенные элементы разных этнических культур. При этом основополагающими должны быть положения о том, что этнические культуры – это всеобщее богатство всех людей, населяющих страну, что мировая культура есть продукт исторического процесса взаимообогащения и взаимопроникновения этнических культур.

Следовательно, перед системой образования встает проблема превращения культурного многообразия в средство поиска ценностно-смысловых ориентиров, которые синтезируют обогащающий потенциал разных культур, способствуя укоренению личности в родной культуре и приобщению к мировой культуре. В решении этой проблемы особое значение приобретает формирование у учащихся ценностного отношения к иной культуре как источнику развития мышления, ценностных ориентаций, моделей поведения и форм деятельности, обеспечивающих свободу культурного самоопределения и успешность самореализации в полифонии современной культуры.

Издавна на территории Республики Мордовия проживают мордва (мокша, эрзя), русские, татары, украинцы, белорусы, чуваша, марийцы, евреи и представители других национальностей. Многовековое соседство различных народов проявилось в уникальном сплаве обычаев и традиций, которые наложили отпечаток на формирование истории и культуры мордовского края. Таким образом, современная Республика Мордовия представляет собой один из российских полиэтничных регионов. Эту особенность необходимо учитывать в педагогической деятельности.

Е. П. Солдатова и Т. В. Самсонова справедливо отмечают, что этнокультурный компонент в школах Республики Мордовия представлен мордовскими (мокшанский, эрзянский) языками и мордовской литературой, а также историей и культурой мордовского народа, географией Мордовии, мордовским фольклором, изобразительным искусством, народными промыслами и другими учебными курсами [3].

В Республике Мордовия ежегодно проходят всероссийские научно-практические конференции для педагогов и учащихся. В общеобразовательных учреждениях функционируют кружки региональной направленности. Выстроена система государственной поддержки учителей родного языка. В каждом муниципальном районе созданы и успешно работают детские фольклорные группы. Многие из них принимают активное участие в республиканских и межрегиональных мероприятиях.

В целях развития интереса к родным языкам и выявления одаренных детей ежегодно проводится олимпиада по мокшанскому и эрзянскому языкам среди младших школьников русскоязычных школ; межрегиональная олимпиада по мордовскому (мокшанскому, эрзянскому) языку и мордовской литературе среди учащихся национальных школ республики и мордовской диаспоры, республиканская олимпиада по татарскому языку и литературе. «В летний период для победителей и призеров олимпиад организовывается межрегиональный оздоровительный этнокультурный лагерь «Живи, родной язык!». Много интересных мероприятий проводится за смену: встреча с заслуженными писателями, дни мордовских и татарских песен и танцев, национальной кухни, показ

мордовского и татарского костюмов, мастер-классы, защита проектов по родным языкам» [3].

Важную роль в поликультурном образовании учащихся Республики Мордовия играют следующие дисциплины: МХК, краеведение, история и культура мордовского края, мордовские языки (мокшанский, эрзянский), литература. На уроках МХК учащиеся знакомятся с разными культурами, традициями и обычаями стран в различные эпохи, учатся уважать и принимать иные точки зрения, сопереживать некоторым явлениям жизни. На уроках краеведения применяются различные формы и методы работы, используется местный краеведческий материал. В результате у детей формируются глубокие и прочные знания о своей Родине. Этнокультурные и общечеловеческие ценности можно привить детям и на уроках мордовского языка. Изучение языка помогает сохранять и развивать духовную и нравственную культуру мордовского народа. Проведение недели мордовского языка давно стало школьной традицией.

Мы полностью разделяем подход О. Н. Фоминой к поликультурному образованию на уроках литературы, в ходе которых «интенсивно формируются нравственные и эстетические идеалы школьников. Наиболее эффективной образовательной и воспитательной работой на уроках является сопоставление произведений русских и мордовских писателей» [4, с. 88].

Выделим направления поликультурного образования в Республике Мордовия:

- знакомство учащихся с культурой своего собственного народа, что является непременным условием интеграции в другие культуры народов, проживающих на территории Республики Мордовия;

- формирование у учащихся представлений о многообразии культур народов, проживающих на территории Республики Мордовия, воспитание позитивного отношения к культурным различиям;

- создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов, проживающих на территории Республики Мордовия;

- развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями различных культур народов, проживающих на территории Республики Мордовия;

- нахождение общих обычаев, традиций, объединяющих народы, проживающие на территории Республики Мордовия.

- воспитание учащихся в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

Таким образом, поликультурное образование является важной составляющей современного школьного образования в Республике Мордовия и способствует усвоению обучающимися знаний о других культурах, традициях, образе жизни, культурных ценностях народов и

этносов, воспитанию в духе уважения инокультурных жизненных и мировоззренческих ценностей.

Литература

1. Дунаева, А. С. Культурологическая идея концепции языкового поликультурного образования / А. С. Дунаева [Электронный ресурс] // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2015. – № 1. – Режим доступа : <http://scientific-notes.ru/pdf/038-027.pdf>. – Загл. с экрана.

2. Слепцова, Г. Н. Поликультурное образование как социокультурный педагогический процесс в преподавании иностранных языков / Г. Н. Слепцова, В. В. Ушницкая // Путь науки. – 2014. – № 4. – С. 108–110.

3. Солдатова, Е. П. Формирование национально-культурной среды как фактора успешной социализации поликультурной личности учащегося в школах Республики Мордовия / Е. П. Солдатова, Т. В. Самсонова [Электронный ресурс] // Всероссийский мастер-класс учителей родных языков, 2012. – Режим доступа : <http://rosmasterclass.edurm.ru/index.php/dokumenty/stati/5-formirovanie-natsionalno-kulturnoj-sredy-kak-faktora-uspeshnoj-sotsializatsii-polikulturnoj-lichnosti-uchashchegosya-v-shkolakh-respubliki-mordoviya>. – Загл. с экрана.

4. Фомина, О. Н. Поликультурные традиции духовно-нравственного воспитания детей / О. Н. Фомина // Образование и воспитание школьников в условиях поликультурного региона : мат-лы II муниципальной научно-практич. конф. с республиканским участием, 19 декабря 2013 г. – Рузаевка : СОШ № 9, 2013. – С. 87–89.

Маленкова М.М.
ГБОУ ВО МГПУ

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЧИТАТЕЛЯ»

На самом деле сегодня книга и чтение человеку еще нужнее, чем сто лет назад, и никакие другие информационные технологии их не заменят. Каждый ребенок – личность, а любая личность должна гармонично развиваться и в этом ей помогает книга. Ведь книга - не только источник знаний, это часть нашего внутреннего мира, средство воспитания, литературного развития и развития эстетического чувства.

Литературное развитие - это возрастной процесс восприятия искусства слова, умений анализировать и оценивать прочитанное, а также процесс развития собственного литературного творчества детей.

В настоящее время **чтение** рассматривается НЕОДНОЗНАЧНО:

1) как одна из высших интеллектуальных функций, как целенаправленная деятельность, которая может изменять взгляды,

углублять понимание, воссоздавать опыт, влиять на поведение, совершенствовать личность;

2) один из важнейших видов речевой деятельности, тесно связанный как с произношением, так и с пониманием речи;

3) способность воспринимать, понимать информацию, записанную (передаваемую) тем или иным способом, воспроизводить техническими устройствами;

4) важнейшее условие формирования мыслительных способностей. В частности В.А. Сухомлинский, когда исследовал причины отставания школьников, правильно подметил: «Если в начальной школе дети мало читали, мало мыслили, у них складывалась структура малодетельного мозга»;

5) это не только вид деятельности человека, но и сложный психический процесс, для которого характерны две взаимосвязанные стороны: а) *техническая* – движение глаз и рече-звуко-двигательные процессы; б) *мыслительная* – восприятие и понимание прочитанного, т.е. движение чувств и мыслей читателя.

Чтение – это окошко, через которое дети видят и познают мир и самого себя; и то, чему обучают младших школьников, посредством чего их воспитывают и развивают. Умения и навыки чтения формируются не только как важнейший вид речевой и умственной деятельности, но и как сложный комплекс умений и навыков, имеющий обучающий характер, используемый учениками при изучении всех учебных предметов, во всех случаях внеклассной и внешкольной жизни.

Под **процессом чтения** понимают процесс восприятия словесного произведения, который может быть представлен в виде последовательности: зрительное восприятие текста как набора буквенных символов – перекодировка символов (букв) в звуки и произнесение слов – психическое восприятие слов (понимание их значения, воссоздание образов, понятий и содержания текста) – осмысление читаемого (постижение смысла) [4, с. 277-284.].

Чтение во многом реализует познавательную функцию языка, и правильный подбор текстов дает возможность использовать содержащуюся в них фактическую информацию и для расширения общего кругозора учащихся, и в воспитательных целях. При чтении развивается языковая наблюдательность, и учащиеся приучаются внимательнее относиться к языковому оформлению своих мыслей.

Сама **читательская деятельность** (один из видов речевой деятельности) рассматривается как коммуникативный процесс, который осуществляется в ходе общения, а значит, предполагает наличие партнёров – автора книги, взрослого читателя, сверстников, т.е. тех, кто создаёт речь (говорит, пишет), и тех, кто её принимает (слушает, читает).

Слово «**читатель**» многие истолковывают лишь как «умеющий озвучивать напечатанное». А так же, тот, кто читает, к кому обращен текст, кому предназначено произведение. Это реальный участник литературного процесса.

В научной литературе нет четкого определения понятия «**читательская культура**» (**КУЛЬТУРА ЧИТАТЕЛЯ**). Обобщая теоретические исследования в данной области, можно дать следующую трактовку: это—определенный уровень сформированности ряда читательских умений и навыков: потребность в чтении и устойчивый интерес к нему, читательская эрудиция, навыки чтения, умение выразительного чтения, способность к восприятию произведений разных жанров, способность к восприятию различных литературных произведений, начальные библиографические знания (умение пользоваться каталогом, понимать аннотацию), необходимый уровень теоретико-литературных знаний, творческие способности, умения оценки и интерпретации, языковые умения.

Отметим, что речевые умения определяют уровень речевой культуры, свойственный личности на конкретном этапе ее развития, включающий соответствие речи мыслям говорящего или пишущего, правильный отбор языковых средств, ясность речи, богатство словаря, разнообразие грамматических конструкций, художественную выразительность, логическую стройность, эмоциональность.

Однако, говоря о формировании читательской культуры, учителя не должны отходить от главной своей задачи – воспитания **ВДУМЧИВОГО** читателя, читателя – аналитика, читателя-изобретателя.

Основой «культуры чтения» является культура личности. Подразумевая под термином «**культура**» достижения в какой-либо отрасли человеческой деятельности, а также высокий уровень чего-либо, к формированию культуры в области чтения можно подойти также, как и в других сферах деятельности – с двух сторон: с точки зрения техники, мастерства исполнения (в данном случае, техники чтения) и с точки зрения творческого, духовного начала, которое содержит в себе процесс чтения. В любом случае, культура чтения будет включать в себя и то, что человек читает, и то, как читает, а также – зачем читает и сколько.

Культура чтения - сложное образование, оно отражает многие составляющие развития личности. Среди них выделим: мировоззренческую, информационно-библиографическую, культурологическую, психологическую, литературоведческую, включая и развитие речевой деятельности личности в целом [1, с. 47-54.].

Культура чтения - составная часть общей культуры личности, представляющая собой комплекс навыков работы с книгой, включающий осознанный выбор тематики, систематичность и последовательность чтения, а также умение находить нужную литературу с помощью

библиографических пособий, пользоваться справочно-библиографическим аппаратом, применять рациональные приемы, максимально усваивать и глубоко воспринимать прочитанное, бережно обращаться с произведениями печати. *Культура чтения рассматривается как необходимая составная часть культуры труда, обучения и самообразования.*

Культура чтения включает: 1) рациональную организацию процесса чтения в зависимости от текста, широкого контекста чтения и свойств читателя; 2) глубокое, точное, отчетливое и полное понимание и «присвоение» содержания текста, сопровождающееся эмоциональным сопереживанием, критическим анализом и творческой интерпретацией прочитанного; 3) поиск, анализ и выбор текста (книги, электронного документа, базы данных, поисковых систем в Интернете и др.) для чтения в соответствии с интересами и возможностями читателя, а также с целью чтения; 4) выбор способов (устного, письменного) и языковых средств сохранения прочитанного на родном и иностранных языках (высказывание, суждение, доклад, план, тезисы, конспект, аннотация, реферат и т.д.); 5) читательская культура читателя реализуется в поступках читателя как проявление его сопереживания, сомышления, сотворчества с другими людьми в обществе, с учетом законов природы и общества.

Культура чтения - сложное образование, отражающее многие составляющие развития личности: мировоззренческую, информационно-библиографическую, культурологическую, психологическую, литературоведческую, включая и развитие речевой деятельности личности в целом. Культура чтения рассматривается как критерий не только литературно-эстетической, но и социальной зрелости читателя.

В 70-х гг.. XX в. появилась научно обоснованная концепция формирования у младших школьников важнейшего личностного качества, получившего название **«читательской самостоятельности»**. В теории, созданной Н.Н. Светловской и работавшей под ее руководством О.В. Джежелей, раскрыт механизм формирования у учащихся интереса к книгам, желания и привычки читать книги по собственному выбору. В науке определено и зафиксировано содержание понятия «читательская самостоятельность»: личностное свойство, позволяющее читателю при первой необходимости привычно обращаться в мир книг за недостающим ему опытом и с минимальными затратами времени и сил находить в этом мире и «присваивать» на максимально доступном ему уровне нужный опыт (Н.Н.Светловская) [3].

В Рекомендациях по повышению уровня читательской компетентности в рамках указанной программы также отмечается, что понятие читательская компетентность тесно связано с понятием функциональной грамотности, при этом «речь идет не о технике чтения, а

о способности индивида читать, чтобы приобретать новые знания, помогающие в практической жизни и в дальнейшем обучении» [2, с. 29].

Читательская компетентность учащихся начальной школы – это сформированная у детей способность к целенаправленному индивидуальному осмыслению книг до чтения, по мере чтения и после прочтения книги. Сегодня важно не столько дать ребенку как можно больший багаж знаний, сколько обеспечить его общекультурное, личностное и познавательное развитие, вооружить таким важным умением, как умение учиться.

Читательская компетенция - это не бегание глазами по строкам, а постоянно развивающаяся совокупность знаний, навыков и умений, то есть качество человека, которое совершенствуется на протяжении всей его жизни.

Работа по формированию читательской компетенции реализуется по следующим направлениям: **формирование навыка чтения** (умение читать вслух и про себя, владение основными видами чтения), **начитанность, умения работать с книгой, навыки и умения собственно читательской деятельности**, обеспечивающие восприятие, интерпретацию (истолкование) и оценку художественного произведения как искусства слова, то есть по законам этого искусства (на доступном школьникам каждого года обучения уровне).

Таким образом, чтение – более эффективное средство образования и воспитания личности, поскольку оно способствует творческому развитию личности, что является главной задачей воспитания и образования. Основная задача чтения – усвоить мысль автора, главную идею произведения, для того, чтобы пойти дальше – развить собственную творческую мысль. Ставшее крылатым выражение: «Чтение – вот лучшее учение» – не теряет актуальности и в наши дни. Процесс формирования культуры чтения – неременное условие гармоничного развития личности. Она зависит от овладения знаниями, навыками и умениями эстетически грамотного чтения. То, что читательская деятельность – это труд, и немалый, по-видимому, это стало одной из причин, почему истинных любителей чтения не так много. Это труд по преобразованию человеком самого себя. И как всякий труд, он требует и знаний, и умений.

Литература

1) Бородина В.А., Бородин С.М. Учим... читать: Уроки динамического чтения. - Л.: Лениздат, 1985. - 192 с.; Бородина В.А., Бородин С.М. Квалитология и квалиметрия культуры чтения. // Культура чтения в контексте модернизации Российской школы: Матер. второй науч.-практ. конф. – СПб., 2003. – С. 9-11.; Бородина В.А. Читательская социализация в контексте стандарта общего образования // Школьная библиотека. – 2004. - № 3. – С. 47-54.

2) Орлова, Э.А. Рекомендации по повышению уровня развития читательской компетентности в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения: пособие для работников образовательных учреждений / Э.А. Орлова. – М., 2008. - С. 29/

3) Светловская Н.Н. Внеклассное чтение на начальном этапе формирования читательской самостоятельности. [Текст]. - М.: 1999.- 190 с.

4) Чиндилова, О.В. Технология формирования правильного типа читательской деятельности [Текст] // Образовательная система «Школа 2100» : сборник программ. Дошкольное образование. Начальная школа / Под науч. ред. Д.И. Фельдштейна / Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова. – М.: Баласс, 2008. – С. 277-284.

Сидорова А.Е.

*кандидат социологических наук,
Академия труда и социальных отношений, доцент кафедры
профессиональных иностранных языков*

ЭВФЕМИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СМИ

Эвфемизмы - это выражения, которые способны вуалировать события, факты. Они имеют неблагоприятную систему оценок и могут вызывать антипатию общества.

Изучение приёмов манипулятивного воздействия эвфемизмов на аудиторию актуально для создателей информационных технологий, для лингвистов. В статье предлагаем рассмотреть основные положения, связанные с эвфемизмами.

1. Эвфемизмы способны скрывать истинную сущность явления благодаря созданию положительной коннотации.

2. Эвфемизмы, которые используются в политических текстах. Здесь часто происходит искажение истины, манипулирование сознанием и поведением реципиента.

3. В языке средств массовой информации эвфемизмы образованы на синтаксическом уровне, оказывают манипулятивное воздействие из-за мощных возможностей.[1]

Эвфемизм - комплекс языковых средств, который направлен на эмоциональное смещение для того, чтобы завуалировать понятие. Эвфемизмы - результаты появления в сознании людей новых доктрин. Эвфемизмы отражают произошедшие сдвиги сознания общества, а также распространение новых идей. [2]

Среди мотивов эвфемизации могут выступать причины замены одних слов другими. Э. Партридж выделяет такие мотивы эвфемизации:

- Желание повысить ценность того, что человек имеет (форма гиперболы). Пример: "university" вместо "technical school", "professor" вместо "teacher";

- Желание приспособиться к общему настроению, атмосфере времени, компании, месту;

- Желание показать уважение к тому, к кому человек обращается, а также не оскорбить кого-либо, может быть произвести определённое впечатление. Пример: "Hebrew" вместо "Jew" (еврей);

- С целью уменьшить какие-то болезненные воспоминания, трагические события и новости;

- Моральные, социальные, религиозные табу, а также суеверия. [3]

В плане структуры, эвфемизмы делятся также и по частям речи:

1. Имена существительные: action - "акция", а не "незаконные действия"; 2. Имена прилагательные: liberal - "либеральный", а не "нетерпимый". 3. Глаголы: "to arrange" - "организовывать", а не "делать за спиной что-то". 4. Наречия: "friendly" - "дружески", а не "без сочувствия". 5. Местоимения: "this", "something"...

Сюда же относятся и словосочетания (свободные словосочетания: "senior citizen" - "старший гражданин", а не "старик"; "reduction in force" - "уменьшение в силе", а не "увольнение"; фразеологические обороты: "window dressing" - "украшение витрины", а не "фальсификация фин. отчётов"; предложения: "hang up your hat" - "повесить шляпу", а не "жениться на богатой").

Со времён Гумбольдта феномен влияния языка на мышление активно изучается большим количеством лингвистов. В двадцатые годы двадцатого века Эдвард Сэпир, американский учёный, полагал, что мышление зависит от языка. Он утверждал, что язык - структура, являющаяся формой мысли. Язык - инструмент, без него мысль нельзя воспринять.

Бенджамин Уорф развивал взгляды Сэпира и пришёл к выводу о том, что язык не может существовать как изолированное явление. Он предположил, что набор слов, который обозначает цвета, есть языковое явление, влияющее на процесс восприятия цвета. Язык влияет на протекание познавательного процесса. Каждая культура имеет свой язык и благодаря языку человек имеет тот или иной тип мышления.

В материалах средств массовой информации необходимость эвфемизации в конкретном случае зависит от объективно существующих языковых запретов, табу, политического настроения в конкретном обществе. В СМИ есть запреты на употребление оценочных средств в тексте. Это возникает в результате юридической и моральной ответственности авторов. Отсюда необходимо вуалировать оценки. Тут появляются и правовые мотивы политической эвфемизации. Политические эвфемизмы в СМИ также используются как средство воздействия на аудиторию. Феномен свойственен эвфемии. Эвфемизацию связывают с

иронией. То есть, когда отрицательное отношение к слову-табу не отвергается, а лишь выражается в шуточной форме. Приобретает эмоциональное наложение и воздействует на аудиторию.

А. Кацев сказал, что эвфемизм - "маскарадная одежда", которая используется для прикрытия неприятного момента, сущности. К. Бэрридж считал, что использование эвфемизмов лишь наоборот раздражает публику, привлекает её внимание к запретной теме. Как говорится, "запретный плод - сладок". В прессе активно используются эвфемизмы, которые являются политическими и ещё больше привлекают внимание общественности. Они ещё больше воздействуют на аудиторию, манипулируют мнением.

Есть такая классификация мотивов политической эвфемизации:

1) Мотивы эвфемизации бывают и социальными:

- с целью демонстрации уважения к разным общественным группам (наименования, которые относятся к сфере возрастных, расовых, половых и пр. особенностей: "senior citizen" - "старички" или "старшие граждане", "bachelor girls" - "незамужние девушки" или "холостые девушки").

- понятия относительной бедности: "non-industrial" - "не индустриальный" (нецивилизованный, бедный);

- умственные и физические недостатки: "optically challenged" - "проблемы со зрением" (слепой);

2) Увеличить значимость реальной социальной сферы:

- профессии, учреждения, пр.: "hair stylist" - "стилист волос" (парикмахер), "sanitary man" - "занимающийся санитарной работой" (туалетный уборщик);

3) Выражение уважения к аудитории, с целью произвести впечатление:

- наименования из сферы коммерции, бизнеса: "economy" - "экономичный" (дешёвый), "human resources" - "человеческие ресурсы" (персонал).

- наименования из сферы политики: "public relations" - "связи с общественностью" (представление в выгодном свете), "political change" - "политическое изменение" (унизительное поражение в политике), "states rights" - "государственные права" (расовая дискриминация);

- наименования из военной сферы: "special weapons" - "специальное оружие" (ядерное оружие);

- наименование из криминальной сферы. Пример: "assembly centre" - "сборный центр" или "тюрьма", "special treatment" - "особое обращение", вместо "пытки", "убийства";

- сфера бизнеса: "negative contribution" - "отрицательное вложение" или "продажа с убытком", "currency adjustment" - "управление наличностью" или "девальвация";

- термины из системы образования: "developmental class" - "класс для тупых и неуправляемых детей", а не "класс развития", "maladjusted" - "плохо управляемый" или "непослушный";

Правовые мотивы эвфемизации предполагают большое количество эвфемизмов, их же можно назвать дипломатическими. Их используют активно в различного рода текстах политической направленности и, особенно, это касается средств массовой информации: "privileged" - "богатый" или "привилегированный", "misspeak" - "солгать" или "оговориться", "liberal" - "либеральный" или "нетерпимый".

Таким образом, рассматривая политические табу с их функциями и принимая во внимание мотивы политической эвфемизации, можно дать более точное определение политическим эвфемизмам. Такие эвфемизмы составляют определённую группу эвфемизмов. Их используют в тексте политической направленности с целью замены слов, выражений, которые являются политическими табу на данном этапе развития общества.

Прагматическая установка эвфемизмов в английском языке заключается в воздействии через оценку и убеждение для использования конкретных языковых средств с целью достижения конкретного прагматического эффекта. Многие лингвисты считают, что выражение оценки - эксплицитно. Это эффективный способ реализации прагматической установки. Она активно используется в текстах политической коммуникации, текстах СМИ.

Таким образом, можно подвести итог. Язык постоянно развивается, учитывает требования, которые предъявляются со стороны носителей. Сегодня идеология политической корректности закрепляется. Эвфемизмы достаточно приемлемые способы преодоления коммуникативных конфликтов. Они способствуют поддержанию постулата вежливости. Постулат заключается в том, чтобы избежать дискомфортных моментов во время общения.

Газетно-публицистический стиль имеет особую причину эвфемизации речи. Это вуалирование, камуфлирование и манипулирование людьми. Именно эвфемизмы активно используются в англоязычной прессе с целью завуалировать факты, события.

Чаще всего в прессе используются эвфемистические обороты для того, чтобы обозначить:

- органы власти и их деятельность,
- экономические операции, методы, действия,
- военные действия и участников военных действий,
- национальные группы, отношения между этими группами.

Литература

1. Баскова Юлия Сергеевна. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Краснодар 2006.

Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков).

2. Ахманова, О.С. Эвфемизм/ О.С. Ахманова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - 688с.

3. Александрова, Е.С. Гендерная маркированность англоязычного новостного текста // Автореф., Волгоград, 2007. - 28с.

4. Ларин, Б.А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. - Л., 1961.

5. Адлер, Д. Борьба против политической корректности // Америка, сентябрь - 1993. - №442. - с.15-18.

Явина Н.А.

*аспирант 2-го года обучения
Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
специальность: теория языка*

О ВЗАИМОСВЯЗИ АНТРОПОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ В ТРУДАХ ПОЛЯ БРОКА И АБЕЛЯ ОВЕЛАКА

Статья посвящена сопоставительному анализу основных вопросов языкознания в рамках натуралистической концепции в научных трудах лингвистов-натуралистов Поля Брока и Абеля Овелака. В статье затронуты проблемы статуса лингвистики как естественной науки, вопросы происхождения и развития языка, а также взаимосвязи антропологии и лингвистики. Материалом для статьи послужили работы по истории лингвистики отечественных и зарубежных исследователей, а также основные работы по данным вопросам Поля Брока «Mémoires d'anthropologie», 'Мемуары по антропологии', 1871 г, а также труд Абеля Овелака «La linguistique» 'Лингвистика' 1911 г.

Ключевые слова: натуралистическая школа, лингвистика, антропология, происхождение языка, эволюция языков, неравенство языков, факторы развития языка

About the relationship between anthropology and linguistics in the works of Paul Broca and Abel Hovelacque

The article is devoted to the comparative analyses of general theoretical linguistic questions in the works of linguists-naturalists Paul Broca and Abel Hovelacque. The article touches upon the problems of linguistics as a natural science, the questions of the origin and the development of languages and also the problems about relationship between anthropology and linguistics. The article is based upon the works on linguistic history of Russian and foreign authors and upon the main works of Paul Broca " Anthropology memories ", 1871 and Abel Hovelacque «La linguistique» "Linguistics", 1911.

Key words: natural science, linguistics, anthropology, origin of the language, evolution of language, inequality of languages, factors of language development

Как известно, к середине XIX в. сравнительно – историческое языкознание активно развивалось. Шло значительное накопление фактического материала, шлифовался метод. Сопоставления в работах компаративистов стали значительно надежнее: лингвисты уже не ограничивались данными индоевропейских языков, а исследовали армянский, иранские, балтийские языки [1. С. 76].

В то же время научный и общественный климат эпохи заметно изменился, что повлекло за собой изменения в философии языка. На смену философским теориям пришел интерес к конкретным фактам. В то же время бурно развивались естественные науки, особенно биология. Огромное влияние на развитие многих наук оказала теория Ч. Дарвина, появившаяся в 50-е гг. XIX в [4. С. 59].

Именно это дало начало развитию натуралистической школы в языкознании, появление которой связано с именами немецких языковедов Агуста Шлейхера (1821–1968), Морица Раппа (1803–1883), Макса Мюллера (1823–1900), а также представителей французской натуралистической школы Абеля Овелака (1843–1896), О.-Ж. Шаве (1815–1877), Поля Брока (1824–1880), и американского лингвиста Уильяма Дуайта Уитни (1827–1894). Представители натуралистической школы занималась поиском ответов на многие вопросы: от выявления предмета языкознания до классификации языков и рас.

Абель Овелака (1843–1896) известен как лингвист, оставивший за собой значительное количество трудов по лингвистике и антропологии ([7], [8], [9], [10], [11] и др.). Также он известен как издатель: совместно с Оноре Шаве в 1866 году он начал издательство лингвистического журнала «Revue de linguistique et de philologie comparée», а затем был редактором словаря «Dictionnaire de l'anthropologie» и «Bibliothèque anthropologique». Кроме того, Абель Овелака был президентом Парижского Антропологического общества и депутатом Национальной Ассамблеи в Париже. Именем Овелака названа одна из улиц XIII округа в Париже – рю-Абель-Овелака.

В 1859 году Брок организует Парижское Антропологическое общество и предлагает создать во Франции Форум антропологов, который будет служить для изучения человеческого рода и его связей с окружающим миром, так как эта проблематика была мало изучена в гуманитарных науках. Именно здесь Овелака изучал антропологию и сравнительную анатомию у знаменитого Поля Брока. В дальнейшем это повлияло на его лингвистические взгляды [6. С. 1].

Натуралистические взгляды на язык тесно связаны с антропологией. Антропология в широком смысле является наукой, точнее совокупностью

научных дисциплин, изучающих человека. Овелака и Брока были антропологами, но предмет антропологии и статус этой науки отличается у обоих ученых. Антропология для Брока является физической наукой. В «*Mémoires d'anthropologie*» [6. С. 3] он дает четкое определение данной науке: «Антропология – это наука, предметом которой является изучение человека, его взаимоотношения с другими людьми и с природой» (здесь и далее перевод с французского языка наш – Н. А.). Предпочтение фактам анатомии и физиологии объясняется, несомненно, его медицинским образованием в начале карьеры.

В отличие от Брока, который ограничивался изучением антропологии в рамках физиологии, Овелака отдает предпочтение антропологии в более широком смысле и предлагает изучать человека во всех его аспектах. В «*Очерках по антропологии*» (*Précis d'anthropologie*) он предлагает разделить предмет антропологии на отрасли: зоологическая антропология, то есть изучение человека в сравнении с близкими по родству животными, этническая антропология, изучающая физиологические свойства людей разных наций, доисторическая антропология, изучающая древние человеческие цивилизации и ископаемые, а также этнография, которая описывает и классифицирует современные нации [8. С. 7].

Поскольку язык является неотъемлемой частью и одним из важных критериев деления человечества на расы, оба ученых уделяют внимание лингвистике в классификации языков и рас. Но и в этом вопросе их взгляды существенно расходятся. Встает вопрос о том, какие характеристики влияют на формирование рас: лингвистические или физиологические. Для этого необходимо рассмотреть понимание сущности языка у обоих ученых, а также проанализировать их точку зрения на развитие языков.

Основными направлениями научной работы Брока были хирургия и антропология, но в своих работах по антропологии он уделяет значительное внимание проблемам языкознания. Его интерес к лингвистике явно проявляется в работах по описательной антропологии. Эта ветвь антропологии, называемая также этнология, или наука о человеческих расах, занимается выявлением различных рас.

Брока рассматривает языки как произвольные сущности, которые являются продуктом воли человеческой: «Несомненно, языки, создания человека, намного менее стабильны, нежели организация, творение природы» [6. С. 275–276]. Овелака не соглашается в этом вопросе с наставником, считая, что происхождение языка — это длительный и физиологический процесс, связанный с развитием человека. В отличие от Брока, который рассматривал язык как творение человека, Овелака помещает язык среди природных организмов, объясняя, что «языки рождаются, скрещиваются, увядают и умирают как живые существа» [7. С. 9].

Свой труд «Лингвистика» (*La linguistique*, 1881) Овелака начинает с разграничения терминов «лингвистика» и «филология» [7. С. 1]. Для Овелака лингвистика должна стать наукой экспериментальной, а значит, естественной, так как предмет ее исследований находится в сфере природных феноменов. Для Овелака филология не может быть смешана с лингвистикой, так как первая является частью исторических наук. Филология – это историческая наука, которая изучает документы и тексты одного и того же языка, обязательно литературного, и которая использует не экспериментальный метод, а метод, называемый методом критики или эрудиции. Лингвистика, наоборот, концентрируется исключительно на изучении языка в самом себе и для самого себя.

Именно разное понимание сущности языков приводит к различным теориям происхождения и эволюции языков. Овелака приводит к выводу, что лингвистика, как и другие естественные науки, показывает, что человек происходит от низших форм. Способность к языку не является результатом тайного творения, а является продуктом прогрессивного развития органов, а именно, совершенствованием организации мозга первых приматов: «Так как нельзя допустить, не впадая в представления метафизические и безосновательные, что способность членораздельной речи была приобретена человеком в один прекрасный день без причины, без начала, *ex nihilo*, то приходится признать ее плодом прогрессивного развития органов. А это предполагает раньше существования человека, характеризующегося способностью членораздельной речи, существование другого существа, находящегося на пути к приобретению этой способности, т. е на пути к тому, чтобы сделаться человеком» [3. С. 29].

Брока считает, что язык подвержен изменениям двух типов, а именно, спонтанные изменения, порождаемые сменой поколений, и случайные, появляющиеся вследствие политических и социальных обстоятельств. Изменения первого типа протекают очень медленно, по определенным правилам и «не приводят к существенным языковым изменениям» [6. С. 254]. Брока интересуют большего всего изменения второго типа, которые протекают намного быстрее, более резко и которые могут привести даже к упразднению языка или установлению новых идиом. По Овелаку эволюция языков представляет нечто похожее на борьбу за выживание, описанную в теории Дарвина. Борьба за выживание происходит не только между различными группами языков, но и между идиомами одного и того же языка, и даже внутри одного языка, например, выбор в использовании тех или иных слов [7. С. 340].

По мнению Брока в большинстве случаев смена языков происходит по причине политических переворотов, миграции или завоеваний. В таких случаях физические признаки двух популяций неизбежно смешиваются и дают начало смешанной нации, которая по физическому виду похожа на нацию большую по количеству. В то же время, Брока констатирует [6. С.

257], что когда две нации смешиваются, не существует количественного преобладания ни у физических, ни у лингвистических факторов. Так как существует много примеров, когда смешиваясь, меньшая по численности нация принимает черты нации большей по численности по физическим признакам. В то же самое время язык меньше по численности расы, начинает доминировать, заменяя язык большей по численности нации. Возможно также, что, подчиняя другой народ, завоеватели теряют свой язык. Но они не теряют своего вида по физическому признаку [6. С. 258–259]. Это подтверждает то, что лингвистические характеристики являются неустойчивыми. Именно поэтому Брока четко разделяет факт лингвистики и факт антропологии.

Все это позволяет Брока сделать вывод, что физические признаки доминируют над лингвистическими. В случае противоречий между ними, предпочтение должно отдаваться физическим признакам, так как лингвистические признаки не являются настолько постоянными, как физические. Кроме того, лингвистика оказывается полезной в изучении происхождения человечества и формирования мысли примитивного человека.

Одной из важных задач дескриптивной антропологии является выявление признаков, которые могут быть использованы для идентификации и классификации рас. В разделении человечества на расы Брока базировался на лингвистических признаках. Он основывался на принципе, используемом в естественных науках, принципе взаимозависимости характеристик, суть которого состоит в предпочтении свойств, являющихся более фиксированными, устойчивыми. Брока считает, что именно физические свойства обладают более устойчивыми характеристиками: «В натуралистической истории, признаками первого плана являются те, которые более устойчивые. Устройство человека более постоянно, нежели его язык» [6. С. 247].

Остается добавить, что для Брока лингвистика является одним из ценных помощников описательной антропологии. Лингвистика незаменима, прежде всего, в классификации человеческих групп, которые очень сходны. К тому же, этнология не ограничивается только изучением современного состояния человеческих рас, но также пытается восстановить происхождение, миграцию и смешение в течение истории. Для осуществления этой цели антропология основывается на данных лингвистики. Именно поэтому Брока описывает отношения между лингвистикой и антропологией следующим образом: «Лингвистика обеспечивает антропологию данными, и она должна вмешиваться в наши споры, но не как судья, а как свидетель» [6. С. 276].

Также Овелака приводит множество аргументов, которые показывают важность лингвистики в исследованиях, проводимых антропологами. Он настаивает на том факте, что речь, точнее, наличие языковой способности

– единственный признак, который отличает человека от животного. Ни анатомические признаки, ни физические или нефизические, такие, как чувства, память, рассудок или религиозность, не являются отличительными от животных. Именно способность к артикуляционной речи является единственным критерием, отличающим человека от животных: «В конце концов, отличие человека от его низших братьев служит способностью к членораздельной речи. Способность эта не встречается ни у одного из них. Напрасно было бы приводить в пример слова, произносимые попугаем, слова, правда, членораздельные, но произношение которых существенно отлично от соответствующего им представления. Само собой понятно, что это отношение, соответствие есть отличительный признак членораздельной человеческой речи. Попугай же лишь бессознательный отголосок» [3. С. 22].

При классификации и анализе эволюции языков и рас Брока отводит главенствующую роль антропологии, и считает, что физические признаки доминируют над лингвистическими. Брока четко разделяет антропологию, относя ее к естественным наукам, и лингвистику, считая язык созданием человека.

В целом, Овеляк перенял у Брока натуралистический подход в изучении языка, в классификации языков и рас. Также, как и наставник, Овеляк занимался антропологией, но, в первую очередь, Овеляк был лингвистом, поэтому для него лингвистика и антропология являются равнозначными науками при классификации языков и рас. По Овеляку данные антропологии и лингвистики имеют в равной степени важное значение в изучении человека.

Библиографический список

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений [Текст] : учеб. пособие / В. М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
2. Амирова, Т.А. История языкознания [Текст] / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. – М. : Академия, 2005. – 672 с.
3. Овеляк, А. Лингвистика [Текст] / А. Овеляк; перевод с фр. – СПб: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1881. – 332с.
4. Auroux, S. Les embarras de l'origine des langues [Текст] / S.Auroux // Marges linguistiques : revue electronique en sciences du langage. – M. L. M. S. Éditeur, Saint-Chamas, France. – 2006. – № 11. – P. 58-92.
5. Broca, P. Mémoires d'anthropologie [Текст] : Tome premier / P. Broca. – Paris : C. Reinwald, 1871. – 598 p.
6. Desmet, P. Abel Hovelacque et l'école de linguistique naturaliste : l'inégalité des langues permet - elle de conclure à l'inégalité des races? [Текст] / P. Desmet // Histoire Épistémologie Langage. – 2007. – Vol. 29. – №29. – P. 41-59

7. Hovelacque, A. Grammaire de la langue zende [Текст] / A.Hovelacque. – Paris : Maisonneuve et Larose, 1878. – 318 p.
8. Hovelacque, A. L'homme primitif contemporain [Текст] / A. Hovelacque. – Paris : O. Doin, 1881. – 360 p.
9. Hovelacque, A. La linguistique [Текст] / A. Hovelacque. – Paris : Schleicher, 1911. – 472 p.
10. Hovelacque, A. Mélanges de linguistique et d'anthropologie [Текст] / A. Hovelacque, J. Vinson, E. Picot. – Paris : E. Leroux, 1880. – 350 p.
11. Hovelacque, A. Précis d'anthropologie [Текст] / Abel Hovelacque, George Hérvé. – Paris : A. Delahaye et E. Lecrosnier, – 1887. – 686 p.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Воронцов Е. А.

*кандидат философских наук,
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет
доцент кафедры истории и философии*

ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО Т. МОРА: ИМПЕРАТИВ ЦЕЛОСТНОСТИ

В чем суть идеального государства? И возможно ли его воплощение? В наш прагматичный век подобного рода вопросы многим представляются бессмысленными. Но, не имея образца, оценивать социальные явления не получается. Только вот что считать образцом? Одно из самых смелых и продуманных решений этой непростой задачи было предложено выдающимся английским мыслителем Томасом Мором (1478–1535), автором получившей всемирную известность «Утопии».

По своему политическому устройству Утопия представляет собой государственное образование, в состав которого входят пятьдесят четыре города. Каждый полис связан экономическими и административными нитями с прилегающими к нему деревенскими хозяйствами [7, с. 7].

Минимальной государственной единицей Утопии является состоящее из нескольких семей хозяйство. Хозяйства делятся на деревенские и городские. Члены хозяйств связаны родственными узами и общей производственной деятельностью. В каждом городском хозяйстве от десяти до шестнадцати взрослых. Тридцать хозяйств ежегодно выбирают себе должностное лицо, называемое филархом. Их основная функция заключается в организации и контроле над производством и потреблением в границах подвластных им хозяйств. Над десятью филархами с их хозяйствами стоит один протофиларх («первый начальник»). Протофилархи избираются ежегодно, но без необходимости их не меняют.

В каждом городе свой правитель. Он выбирается двумястами филархами путем тайного голосования из четырех кандидатов. Должность правителя пожизненна, если только он не будет заподозрен в склонности к тирании. Каждые три дня правитель собирает протофилархов и они вместе разбирают общественные дела и разрешают частные споры, которых в Утопии, впрочем, немного.

Высшим государственным органом является заседающий в столице Сенат, который соединяет в своем лице законодательную, исполнительную и судебную функции [7, с. 182, 234]. Сенат формируется ежегодно из умудренных богатым жизненным опытом представителей всех пятидесяти четырех городов. Народ контролирует деятельность Сената через своих представителей. На его заседаниях всегда присутствуют по два филарха,

причем всякий день разные. Сенат утверждает кандидатуры правителей городов, выносит решения по производству и распределению продуктов потребления. Принимать решения помимо Сената или народного собрания в вопросах, касающихся общественных дел, считается уголовным преступлением. Эта мера призвана предотвратить возможный заговор правителя и протофилархов, если те вознамерятся установить тиранию.

Высшие должностные лица — правитель и протофилархи — избираются из людей ученых. Власть базируется не на насилии, а на авторитете и всеобщем признании достоинств должностных лиц.

Через весь текст «Утопии» красной нитью проходит мысль о том, что главная причина всевозможных социальных язв кроется в узаконенном праве частной собственности. В правильно устроенном государстве всё принадлежит всем, и никто и никогда не будет нуждаться, но при условии, что прежде позаботится о том, «чтобы были полны общественные житницы» [7, с. 174]. Где нет частной собственности, там нет роскоши и нищеты, воровства и расточительства. Нет необходимости и в законодательных талмудах, частную собственность охраняющих. Отсюда простота и компактность законодательства утопийцев.

Раз нет частной собственности, нет и товарно-денежных отношений. Однако, благодаря успешным войнам и внешней торговле, являющейся монополией государственной, в Утопии много золота и серебра. Но драгоценностям здесь находят применение необычное: они служат игрушками для детей, ими «украшают» преступников, из них делают сосуды для... нечистот. В свое время эта идея привлечет внимание Ленина, который серьезно будет мечтать о ее воплощении [6, с. 225].

Главным средством реализации необходимого материального благополучия является всеобщая трудовая повинность. От физического труда освобождаются правители и те, кто отличается выдающимися умственными способностями, — их обязывают к «основательному прохождению наук». В целом от производственной деятельности освобождается примерно 0,5 % населения. Другим важнейшим источником общественного благосостояния является отсутствие бесполезных видов деятельности, «служащих лишь роскоши да беспутству»: ростовщичество, ювелирное дело, пошив изысканной одежды. Не исключено, что эта идея заимствована Мором у Платона [8, с. 134].

Идеальное государство — строй, при котором правит дух взаимопомощи и порядка. Утопийцы относятся друг к другу, как члены большой семьи, и потому всюду на острове чувствуют себя как дома. Автор Утопии исходит из представления о том, что человек — существо социальное, а значит, благополучие общества и благополучие отдельного гражданина могут и должны быть согласованы друг с другом. Для случаев, когда они приходят в противоречие, мерилom должного выступает закон, утверждающий приоритет целого над частями, или, говоря иначе,

общественного над личным. Базовой ячейкой общества является патриархально устроенная семья. Институт семьи поддерживается государством. Вопреки большинству коммунистических теорий, например, того же Платона или Кампанеллы, Мор сохраняет институт семьи неприкосновенным. Семья построена иерархично. Жены слушают и почитают мужей, дети — родителей, младшие — старших. Будучи правоверным католиком, Мор здесь следует не только Писанию (1 Тим. 5, 8), но и буквально повторяет Августина [1, с. 1033].

Наряду с патриархальным укладом жизни эффективности воспитания способствуют ясность законов, единообразие нравов, а также отсутствие социальной мобильности. Человек «привязан» к своей семье, хозяйству, роду деятельности, месту жительства. Поездки в окрестности города возможны лишь с разрешения главы хозяйства, а за границу Утопии — с разрешения правителя.

Верный духу возрожденческой традиции [3, с. 63-66], восходящей в данном случае к Аристотелю [1, с. 630], Мор делает своих утопийцев людьми, ценящими досуг. Свободное время они посвящают нравственному совершенствованию и наукам. Индустрия развлечений, построенная на потакании человеческим страстям, отсутствует. Надо признать, однако, что в описании отдыха утопийцев присутствует значительная толика искусственности [9, с. 131].

Важнейшей функцией государства является воспитание будущих граждан. Утопийцы «прилагают величайшее старание к тому, чтобы с самого начала еще нежные и податливые детские души впитали мнения добрые и полезные для сохранения утопического государства» [7, с. 266], ибо главной причиной гибели государства являются вырастающие из превратных суждений пороки.

Народовластие, отсутствие частной собственности, подчинение личных интересов общественным — все эти необходимые элементы идеального государства невозможны, по мнению Мора, без укоренения в душах граждан единого жизнеутверждающего мировоззрения. И в этом смысле едва ли правы исследователи приписывающие Морю точку зрения, согласно которой причины зла «коренятся в общественной обстановке» [10, с. 164]. Одним из аргументов против этого мнения служит то обстоятельство, что и при идеальном строе в Утопии есть преступники.

Фундамент всякого продуманного мировоззрения составляют определенные религиозные и философские принципы. В Утопии существует не одна, не две, а множество религий, которые разнятся не только по всему острову, но и в каждом городе. Здесь допускаются любые культы, вплоть до обожествления выдающихся личностей и поклонения светилам. Впрочем, большинство утопийцев склоняется к идеи творения и посмертного суда. Преследовать за религиозные воззрения возбраняется, ибо, по мнению утопийцев, насилие и религия несовместимы.

Общественный культ отличается абстрактностью, не дающей предпочтение ни одному из вероисповеданий. В стенах собственного дома каждый волен совершать богослужение, присущее разделяемой им религии. Веротерпимость распространяется даже на атеизм, хотя его сторонники и рассматриваются как люди безумные и в гражданском отношении неблагонадежные. Религиозные воззрения большинства утопийцев органически переплетаются с их практической философией.

Различая три вида благ: внешние, телесные, внутренние (здесь Мор следует за греками) — утопийцы отдают предпочтения благам внутренним, т. е. добродетелям. Как отмечалось, внешние благами: богатство, происхождение, слава — в Утопии значения не имеют. В то же время, несмотря на присущие им набожность и аскетизм, утопийцы являются гедонистами. Различаются наслаждения телесные и душевные, а также истинные и ложные. Ложные удовольствия чреватые страданиями и являются удовольствиями не по своей сути, а в силу привычки и извращенного общественного мнения. «Подобно тому, как беременные женщины по испорченности своему вкусу полагают, что смола и сало слаще меда» [7, с. 219]. К ложным наслаждениям утопийцы относят любовь к почестям, драгоценностям, охоту, азартные игры. Пользуясь античной терминологией, можно сказать, что мнимые удовольствия существуют не по природе, а по установлению. Возможно, что на Мора оказало влияние эпикурейское деление желаний, в контексте которого неестественные желания — порождение общества. С важной для Мора идеей разграничения реального и номинального мы уже сталкивались, когда говорили о мнимой ценности золота и драгоценностей.

Подведем итоги. Идеальное государственное устройство базируется на следующих пяти принципах: демократизм, отсутствие частной собственности, коллективизм, разумный аскетизм, жизнеутверждающее мировоззрение. Неподвластное времени учение Мора о совершенном государственном строе всегда привлекала внимание социальных реформаторов. Мор квалифицировался и как теоретик коммунизма [5, с. 135; 4, с. 5], и как апологет теократии. Немало плодотворных идей найдут в «Утопии» и нынешние «эксперты» в сфере государственной воспитательной политики. Задача современной историко-философской науки — сохранение аутентичного представления об идейной наследии выдающихся мыслителей прошлого, в плеяде которых видное место принадлежит Т. Мору.

Литература

1. *Августин*. О граде Божием. Минск, 2000
2. *Аристотель*. Политика // Сочинения в четырех томах. - М., 1984.
3. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. - М.: РГГУ, 1995.
4. *Бонташ П.К. Прозорова Н.С.* Томас Мор. - М., 1983.
5. *Горфункель А.Х.* Философия эпохи возрождения. - М., 2009.
6. *Ленин*. Полное собрание сочинений. Т. 4. - М., 1965–1971. С. 225.
7. *Мор. Т.* Утопия. Вступительная статья И.Н. Осинковского «Томас Мор и его «Утопия». - М. 1978.
8. *Платон*. Государство //Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. - М., 1994.
9. *Тарле Е.В.* Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. - М.: URSS, 2010.
10. *Чичерин Б.Н.* Политические мыслители от Древнего мира до эпохи Возрождения. М.: URSS, 2010.

Парфенова О.С.

аспирант МГТУ им. Н.Э. Баумана

РОЛЬ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Большая часть современной научной литературы в сфере изучения общества посвящена исследованию феномена национального самосознания. Особенное влияние этому объекту исследований уделяется в свете глобализационных процессов, которые по мере своего развития стирают границы между этничностями. Состояние национального самосознания современного российского общества в период массовых споров о его направленности – вопрос актуальный именно по причине того, что результатом изучения этого состояния многие исследователи видят нахождение дальнейшего пути развития страны в целом.

С целью анализа состояния национального самосознания России, для его удобства, часто прибегают к системному методу, то есть выделяют отдельные элементы самосознания, влияние которых изучается более подробно.

Мы в нашем исследовании поступим также. Выделив одну составляющую феномена национального самосознания мы оценим ее важность. Таким образом целью статьи является во-первых, доказательство того, что победа СССР в Великой Отечественной Войне представляет собой серьезное подспорье в функционировании современного национального самосознания России. Во-вторых, нам

предстоит определить роль, которую сегодня в российском социуме играет факт победы.

Прежде чем осознание победы над фашизмом стало одной из современных национальных идей, произошел генезис такого понимания. Период Великой Отечественной Войны являет собой яркий пример живого проявления национального самосознания. В этот момент можно проследить его двунаправленность.

С одной стороны, народ, охваченный праведным гневом, восстал на защиту своей Родины. На Войну добровольцами отправлялись и женщины, и подростки, и пожилые граждане. Защита Родины рассматривается как гражданский долг любого человека. Мирные жители, жители тыла тоже проявляли свою гражданскую позицию. Написание военных гимнов, песен, появление целого пласта поэзии о Войне и прочее, и прочее – все это сохранившиеся до наших дней, поражающие силой вложенных эмоций, проявления любви к своей стране, своей нации. Основанием такого морального подъема можно признать тот факт, что идея «праведной» войны, войны за свободу своей страны, отечественной войны, красной нитью проходит через всю историю России. Мысль о защите Родины от внешнего завоевателя, о борьбе с ним до последней капли крови проявляется в историческом самосознании россиян в воспоминаниях об Александре Невском, Кузьме Минине и Дмитрии Пожарском, Александре Суворове, Михаиле Кутузове. Таким образом, мы можем судить о том, что идея в героизме русского народа в период оборонительных действий всегда существовала в его национальном самосознании, принимая разные формы.

С другой стороны, общая направленность общественного мышления не столько в период Войны, сколько вообще в первой половине XX-ого века диктовалась руководством страны. Формы этого управления были самыми разнообразными. Чаще всего, к ним относят повсеместную пропаганду в любых формах. Во время Великой Отечественной Войны эта пропаганда выражалась и в агитационных плакатах, и в массовом тиражировании подвигов героев фронта и тыла. Все это было направлено на активацию тех чувств граждан, в общем и целом именуемых гражданской позицией. Эти действия имели своей целью максимальное усиление национального духа граждан страны. Акценты в действиях власти также расставлялись на историческом самосознании народа. Не зря в своей речи 7 ноября 1941 года на Красной площади перед войсками И. Сталин упоминал тех деятелей русской военной истории, о которых уже говорилось выше. Таким образом власть в своих действиях демонстрировала понимание и принятие роль благородных отечественных побед в национальном самосознании народа.

Для современного российского общества понятие военной победы как предмета национальной гордости не утратило своей актуальности.

Причиной тому может служить тот факт, что победа является социально-нравственной ценностью. По мнению Кузнецова В.Н. «социально-нравственные ценности, к которым относится и Победа, функционируют в системе исторически определенных общественных отношений и выражают эти отношения» [3]. В результате героизма, проявленного советским народом в Войне, огромных потерь, которые понесла страна в период Войны, чувства национальной гордости и национального достоинства за победу над ужасами фашизма, понятие Победа трансформировалось для национального самосознания в более конкретное, а именно, Победа в Великой Отечественной Войне. По причине того, что это понятие для общества не базируется на политическом режиме страны-победителя, оно было интегрировано в самосознание народа России после распада СССР.

Отклики на национальный бум, проявившейся в самосознании общества в Войне до сих пор слышны в социуме постсоветского пространства. В угоду действующим политическим режимам события Войны на государственном уровне пересматриваются, иностранные ученые-историки в своих научных работах заявляют о главенствующей роли Европейских государств в победе над Гитлером. Факты таких действий масштабно описываются в СМИ. Все чаще и чаще встречаются попытки приуменьшить роль советского народа в победе над фашизмом, так сказать, переписать историю Войны с целью нивелирования видимого вклада СССР в ее итог. В противовес этому явлению по указу Президента России с 2009 по 2012 годы действовала комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Все эти события, глобально освещаемые именно в таком свете, несомненно в результате усиливают национальное самосознание в России за счет формирования образа скрытого внешнего врага, целью которого является уничтожение одного из столпов существования самосознания общества современной России.

Возникает вопрос об объективности оценки имеющихся фактов фальсификации истории Войны. Например, профессор русской истории Университетского колледжа в Лондоне Джеффри Хоскинг по этому поводу высказывает идею о том, что в действительности на примере Великобритании нельзя говорить о попытках фальсификации исторических фактов, так как в научной среде подобные явления замечены не были, однако, говоря словами профессора, «британские газеты - не историки, а именно газеты - любят рассуждать о том, что именно мы, британцы, выиграли войну и одолели Гитлера» [1]. Таким образом, мы наблюдаем в большей степени информационную войну, чем войну научных идеологем.

Возвращаясь к цели статьи мы можем сделать вывод о том, что действительно, победа советского народа в Великой Отечественной Войне в современный период истории России является тем духовно-моральным

основанием функционирования национального самосознания России, которое обеспечивает понимание и различие добра и зла по самым общим ценностным критериям. Национальная идея о Победе в Войне является одновременно и движущей силой общества, и объектом, воздействие на который приводит к манипуляции общественным мнением.

Литература

1. Вторая мировая война и русское самосознание. Беседа Андрея Захарова с Джеффри Хоскингом // Неприкосновенный запас. 2009. №5(67). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/za11.html> (дата обращения: 13.10.2015).

2. Ореховская Н.А. Массовый героизм в Великой Отечественной Войне как феномен массового сознания многонационального советского народа // Вестник ТГУ . 2011. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/massovyy-geroizm-v-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-fenomen-massovogo-soznaniya-mnogonatsionalnogo-sovetskogo-naroda> (дата обращения: 13.10.2015).

3. Кузнецов В.Н. Идеология: Социологический аспект / Институт социально-политических исследований РАН; Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2005. С. 278.

Симонов А.И.

аспирант

ФБГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина» («Мининский университет»)

ФЕНОМЕН ТЕЛЕСНОСТИ В ИКОНЕ

Икону христианской традиции можно рассмотреть с точки зрения ее феноменальной данности созерцающему человеку. Феноменальность эта заключена в его непосредственном визуальном контакте с «реальностью» иконы, при котором им открывается ее особая диалектика Первообраза и образа, духовно-мистический символизм, специфическая «морфология» цвета и света, а также происходит столкновение с феноменом телесного в иконе, которая, по своей сути, наделена характеристиками бестелесного. Поэтому правомерны слова П.А. Флоренского об иконе как о примере «конкретной метафизики» [9, с. 33]. Иными словами, она никогда не теряет связи с предметами мира, в то же время, сохраняя связь с реальностью архетипа, чему подтверждение особая «иконная телесность».

В духовной традиции христианства телесность понимается двояко: она источник греха, материал для работы «формования», и, одновременно, «храм Бога» (1Кор.6:19). Изображение «тела» в иконе, в этом смысле, есть визуализация теоретических наработок христианской антропологии об «одухотворенном», «преображенном» теле, о «грядущем храмовом человечестве» [7, с. 23], как называет его Е.Н. Трубецкой. Поэтому икона

являет собой изображение события космического масштаба – «преображения», изменения онтологического статуса телесности человека. Художественными средствами это выражается через трансформацию пропорций тела, его особую истонченность. Черты лица и «рисунок тела» удлиняются, руки и ноги изображаются тоньше, чем в реальности. Л.А. Успенский так пишет об этом: «...весь его (человека) духовно-душевно-телесный состав охватывается молитвой и пребывает в божественном свете <...> икона запечатлевает этого человека, ставшего живой иконой, подобием Бога» [8, с. 132]. Телесность иконы отрицает ярко выраженный биологизм, эксцентрические движения, эмоциональный надрыв, всецело фокусируясь на отражении духовного равновесия и гармонии.

Феномен телесности иконы может быть представлен тройко: как «тело Бога» (*corpus Dei*), «тело ангела» (*corpus angelus*) и «тело святого» (*corpus sancti*).

1. При изображении «тела Бога» мы имеем пребывание трансцендентной в традиции христианства телесности на грани антропоморфоза, одновременного соединения божественного и человеческого на одном иконном полотне. Почву для возможности изобразить «*corpus Dei*» на иконе составляют предание о появлении образа Спаса Нерукотворного, дарованного лично Христом, и догматические разработки христианского учения об иконопочитании. На уровне философско-теологических штудий появление «божественной телесности» на плоскости иконы подтверждается двумя доктринальными установками: фактом Боговоплощения и соединением во Христе божественной и человеческой природ. «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца» (Ин.1:14). Иначе говоря, Личность Христа являет собой единство Бога и человека и икона через специфику «божественной телесности» стремится передать это. Но, говоря о правомочности изображения Бога в телесном образе, все равно нужно быть осторожным, т.к. вопрос этот антиномичен, к примеру, стоит вспомнить спор об изобразимости Бога Отца, вспыхнувший на русской философско-богословской почве в XVII веке [8, с. 264-265].

2. Тема изобразимости трансцендентной телесности продолжает свое развитие в визуализации «тела» ангела. В основе возможности изображения «ангельской телесности» лежит идея о ее «срединном» положении в христианской онтологической системе мира. В переводе с греческого языка ангел, как известно, означает «вестник» [1, с. 9], что указывает на его одновременное пребывание сопричастным и миру идеальному и миру имманентному человеку. Он обладает «умной природой». Умное» существо его открывается духовному созерцанию. Поэтому источниками появления «тела» ангела на плоскости иконы являются духовно-мистические видения. Ангелы являют себя человеку в

форме, доступной чувственному восприятию. Исходя из этих видений, за ними признается специфическое тело, которое понимается как эфирное, световидное, огневидное, ветровидное [1, с. 11]. В случае изображения ангела мы имеем попытку «оплотнить» дух, отразить невыразимую «телесность бестелесного».

Ангелология оставила свой след и в развитии русской философии «серебряного века» (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев и др.). Так А.Ф. Лосев считал мир ангельской телесности диалектически необходимым. По его мысли, каждое явление, вещь нуждается в своей противоположности; для телесности такой противоположностью является «бестелесная телесность», «умная» сущность. «Тело ангела» здесь скорее представляет собой некие смысловые потенции, а в философии это место занимает трансцендентальная схема, предельная сфера смысла («категория» И.Канта, «дух» Ф.Гегеля) [4, с. 236]. Таким образом, «реальность» ангела есть сфера-хранилище смыслов.

3. Тело непосредственно человека в иконе – это «тело святого», имеющее окраску духовной чистоты и молитвенного настроения; в нем видна внутренняя, духовная сосредоточенность. Как замечает В.А. Подорога в «феноменологии тела» икона являет собой переход в «пространство святости» [6, с. 175]. Здесь имеет место быть рождение «нового человека». Главное в этом процессе момент перехода лица в лик, оборачивания/выворачивания телесного во вне-/ино-телесное.

«Герой» иконописного изображения – «обоженный», «преображенный» человек традиции христианского духовно-мистического учения исихазма. В исихазме и основывающейся на ней синергийной антропологии сокрыт особый взгляд на человека и его назначение [10, с. 277]. Он здесь предстает как духовная целостность, пребывающая в динамическом состоянии, направленном к обретению полноты бытия, которая предполагает выход к встрече с трансцендентным. Механизм этого восхождения исходит из идеи наличия в Боге сущности и энергий. Приобщение человека к «энергиям Бога» обуславливает со-бытие, причастность Богу. В этом процессе тело истанчивается, полностью подчинившись власти «ума», духовной, созерцательной части естества человека. Григорий Палама так описывает этот процесс: «Так и духовная сладость, переходящая от ума на тело <...> тело преобразует, делая его духовным, так что оно отбрасывает злые плотские стремления и уже не тянет душу вниз <...> от чего и весь человек становится тогда «духом» [2, с. 175]. Такую попытку изобразить «бестелесную телесность» духа мы видим в иконе. Здесь тела изображаемых словно парят в пространстве, иллюстрируя слова христианской традиции о человеке как хрупком сосуде (2Кор.4.7).

Итак, рассмотрев пребывание «тела» в иконе можно сказать, что оно теряет свою материальность, превращаясь в сакральную телесность, что отражает процесс мистического восхождения телесного образа от «обоженного» человека, с его «преображенным» телесным началом, через «бестелесную телесность» ангела, как существа онтологически вписанного в божественный и мирской планы бытия, к предельному отражению трансцендентной телесности в изображении Бога.

Проблематика осмысления тела играет одну из ключевых ролей и в философии феноменологического движения (М.Мерло-Понти). Определенный «мостик можно перекинуть между «иконным телом» и «феноменологическим телом». Сам призыв Э. Гуссерля вернуться к вещам (феноменам мира) в их непосредственности предстает тогда призывом, исходящим от иконы, вернуться к телу в его первоизданном, уходящем к трансценденции, смысле.

«Феноменальное тело» - абсолютизация, универсализация телесности, которая становится способной быть смыслопорождающей трансцендентной формой мира. «Новая философская энциклопедия» характеризует его как «одухотворенную плоть», «совокупность бытийных чувственно-смысловых ядер» [3]. Коротко говоря, тело есть то, посредством чего человек вторгается в мир, понимает, объясняет и конструирует его. Исходя из этого, можно заключить, что «иконная телесность» и «феноменальное тело» Мерло-Понти соприкасаются друг с другом в обоюдном утверждении тела как предельно духовного явления, в то же время, не теряющего связь со своей материальностью. Вместе они указывают на момент соприкосновения человека с принципиальной первичностью. И не случайно, что это соприкосновение мыслится феноменологией через искусство, в первую очередь живопись [5, с. 44], примером чего и оказывается икона.

Образно говоря, «тело» иконы выражает собой «бесплотность тела» духа. А правомерность изображения сакральной, священной телесности антиномично, абсурдно (слова Тертуллиана: «Верю, потому что абсурдно»). Воплотившийся Бог, «бестелесный» ангел и «обоженный» человек – концепты, отражающие момент пребывания на грани ноуменального и феноменального, икона же стремится дать им визуальный образ.

Литература

1. Бенчев, И. Иконы ангелов. Образы небесных посланников. М.: Интербук-бизнес, 2005. 256 с.

2. Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолвствующих. Перевод, послесловие и комментарии В. Вениаминова. М.: Канон, 1995. 384 с.

3. Кошелева, В.Л. Мерло-Понти (Новая философская энциклопедия). URL: <http://iph.ras.ru/elib/1860.html>

4. Лосев, А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.
5. Мерло-Понти, М. Око и дух [Текст]/ Пер. с фр., предисл. и коммент. А.В. Густыря. М.: Искусство, 1992. 63 с.
6. Подорога, В.А. Феноменология тела. М.: Ad Marginem, 1995. 341 с.
7. Трубецкой, Е.Н. Умозрение в красках. Три очерка о русской иконе. Париж: YMCA-PRESS, 1965. 168 с.
8. Успенский, Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М.: ДАРЪ, 2007. 480 с.
9. Флоренский, П.А., священник. Сочинения в четырех томах. Т.1 [Текст]/ П.А. Флоренский. – М.: Мысль, 1996. – 797с.
10. Хоружий, С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алтейя, 1994. 447 с.

Шаммазова Е.Ю.

*кандидат философских наук, ст. преподаватель,
ГБОУ ВПО «Казанский государственный медицинский университет»*

ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

В настоящее время высшая школа и вся мировая система образования, мучительно ищет новые пути и ориентиры своего развития. Парадигмы образования, которые сформировались в предшествующее историческое время и эффективно обслуживали потребности этого времени, не являются актуальными в условиях современных социокультурных реалий, поэтому проблема преподавания философии стоит перед необходимостью выработки новых парадигм собственного существования. Это убеждение принимается, видимо, всеми, кто тщательно обдумывал проблемы преподавания философии в контексте современных жизненных реалий.

Специфика современной социокультурной ситуации характеризуется тенденцией, связывающей самоопределение и формирование человека с его образовательной деятельностью. Основная задача образования — это подготовка высококвалифицированного специалиста, достижение человеком высокой профессиональной компетентности. Профессиональная компетентность предусматривает соответствие знаний, способностей и умений работника его профессиональным и должностным обязанностям и правам, т.е. подготовку профессионально компетентного человека. Однако это предполагает отказ от одномерной оценки обучающегося как будущего функционера общественного производства и рассматривает его как многогранную личность, способную к самопознанию, самоутверждению, саморазвитию, поиску призвания и смысла жизни, самореализации.

В современном мире преподавание философии – это одновременно утверждение ценностей гуманистической культуры; достижение

открытости индивидуально-личностного развития и целостности личности; создание условий для формирования и развития личности; наличие условий для развития высокой духовности во внеучебной сфере; участие в деятельности общественных организаций и структур.

Философия – рациональное, теоретическое знание об отношении человека к миру, о мире в целом и о его познании. Философия есть форма общественного сознания, вид духовной деятельности людей. Она лежит в основе всех наук и является общенаучным знанием. Философское знание – это, прежде всего, знание о всеобщем и целостном. Это система наиболее универсального знания о природе, человеке, обществе и мышлении. Философское знание как система включает в себя ряд категорий (философских понятий), законов, принципов, методологических выводов, концепций и прочих компонентов. Применение этой системы в современном мире носит *ситуационный* характер, опирающийся на постоянную подвижную смену состояний и обстоятельств социальной действительности. Это диалектическое взаимодействие системности курса философии с ситуационностью его преподнесения составляет основу развития и продвижения научного знания на новый уровень.

Таким образом, в предмет философии входит система фундаментальных теоретических воззрений на мир как целое, универсальные проблемы объективной реальности, определение места человека в этом мире, выявление сущности человека, его природной и социальной структуры, уяснение общих форм отношения человека к человеку, человека к миру, обществу и природе; исследование форм и законов человеческого мышления; изучение уровней и методов познавательной деятельности и др.

Особенностью философии является то, что это как мировоззренческое, так и методологическое общенаучное знание. Мировоззренческий характер философского знания проявляется в следующем:

- философия дает понимание мира как целого,
- она разрабатывает наиболее общие категории и принципы;
- определяет место человека в природном и социальном мире;
- философия может формировать материалистическое или идеалистическое мировоззрение.

Методологический характер философского знания выражается в том, что философию можно представить как науку о методе, т.е. «пути познания». Методы, которые применяются в ходе познания, могут быть различными. Они могут выступать как следование традиции и привычке – речь идет о догматизме как методе познания, но диалектическая философия противопоставляет любой догме диалектику. Диалектический метод предполагает признание бесконечной изменчивости мира и его

развития, как следствие – бесконечно развивающееся познание этого мира [1].

Таким образом, мировоззренческая функция философии состоит в том, что она дает теоретическую систему воззрений на мир в целом и на место человека в нем. А методологическая функция – вырабатывает общие формы и методы, пути познания и преобразования действительности.

Преподавание философии в предельно широком смысле представляет собой систему взаимоорганизованных ценностей, вписанных в образовательный процесс и функционирующих через формирование у людей социально-значимых ориентаций и установок, осознание своего личностного достоинства, свободы и ответственности за поступки и результаты деятельности. Преподавание философии, таким образом, это не только и не столько освоение студентами суммы различных знаний, а включение естественнонаучных и технических знаний в поле их человеческого видения, выявление их социальной обусловленности и направленности, приобретение ими ценностного статуса; осознание мировоззренческой функции природо- и техноведческих наук и сближение их по предметной и методологической направленности с социогуманитарными науками.

Речь, разумеется, не идет о слиянии всех наук или об утрате ими своего предмета исследования, специфики методов и форм познания. Дело в ином: внутреннее взаимное тяготение естественных и гуманитарных наук в рамках сохранения их «особости» должно воплощаться в «приверженности» к человеческому фактору – стержневой основе их единства, близости и даже взаимоподобия.

Диалектика современных отношений «человек-общество» требуют от личности развития в коммуникативном, нравственно-психологическом и духовно-мировоззренческих планах. Формирование этих качеств невозможно без философского осмысления действительности будущими специалистами-профессионалами.

Литература

1. Сайт «Все о философии». Режим доступа: http://philotime.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6&Itemid=108
2. Центр Современных Методик Преподавания. Режим доступа: <http://www.dioo.ru/pedagogicheskoe-masterstvo/pedagogicheskaya-situatsiya-i-pedagogicheskaya-zadacha.html>